

The image is a surreal landscape. A dark, paved road leads from the bottom center towards the horizon. On the left side of the road, there are several bare, dark trees. On the right side, there are some green trees and a field. The sky is filled with dark, heavy clouds, with a bright light source breaking through in the center, creating a rainbow-like glow. Two large, translucent faces are superimposed on the scene. One face is on the left, looking towards the right, with its features partially obscured by the trees and the road. The other face is on the right, looking towards the left, with its features partially obscured by the clouds and the road. The overall mood is mysterious and dramatic.

Руслан Галеев

Comfort
Каинов мост

Градономикон

Руслан Галеев

Каинов мост

«Комфорт Медиа»

2008

Галеев Р.

Каинов мост / Р. Галеев — «Комфорт Медиа»,
2008 — (Градономикон)

Действие романа разворачивается в Москве будущего посреди хаоса и всеобщего отчаяния. Руслан Галеев – тонкий психолог и отличный рассказчик, до самого конца книги не дает ответа на вопрос, кто из ее героев положительный, а кто – отрицательный. Автору важно другое: каждый из нас однажды делает самый важный выбор в жизни. И от этого зависит, сумеем ли мы спасти цивилизацию или сами превратимся в чудовищ...

Содержание

Круг первый	6
I	6
II	17
III	30
IV	43
Круг второй	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Руслан Галеев

Каинов мост

Моим друзьям: Евгении, Андрею и Павлу

Круг первый Курьер

I

1

Пластиковый конверт с документами был передан человеку с незапоминающейся внешностью, человек растворился в серой дымке провинциального городка-спутника, город-спутник переместился за окна плацкартного вагона, а вагон под вопли раненых слонов двинулся в сторону Москвы. Работа сделана, день прожит, деньги перечислены. Мы возвращаемся вдвоем, я и Черчилль. Матрица накладывается на матрицу, круги на воде слишком похожи один на другой, а любая опасность, становясь привычной, превращается в рутину. И все же мы возвращаемся, и это единственное, что имеет значение.

Хотя Черчилль, наверное, не в счет, ведь он из тех, кого вроде бы нет. Я хочу сказать, что места он не занимал, денег на билеты не тратил, не пил в купе чай со вкусом недавно постиранного белья, и так далее и тому подобное. С точки зрения проводника Черчилля не было. С точки зрения большинства других людей – тоже. Черчилль был моим дополнительным шансом.

Минут через пятнадцать после того как поезд, вздрогнув всеми членами своего стального тела, отошел от тамбовской платформы, я закинул полупустую сумку на третью полку, переложил сигареты и документы в карман рубашки и собрался было выйти в тамбур, но заметил приближающегося проводника. Он был похож на снулую крысу, носил квадратные очки и неопрятную бороду. Кроме того, на нем был потрепанный, весь в катышках синий китель. Я заплатил за белье, попросил один стакан чая и отправился в тамбур. Терпеть не могу путаться под ногами у расстилающих белье пассажиров. Черчилль потащился со мной. Разумеется.

– Ты много куришь в последнее время, – заметил он, когда мы проходили туалетный предбанник, но там стояла какая-то молодая мамаша с ребенком, и я не стал отвечать. Ведь она могла решить, что я разговариваю сам с собою. Не хотелось выглядеть идиотом в чужих глазах. Если бы не ребенок, она показалась бы мне очень симпатичной девчонкой, а я, в частности, ненавижу выглядеть идиотом в глазах симпатичных девчонок. Несмотря на ее маленького спиногрыза, который проводил меня взглядом голодного аллигатора.

Зато в тамбуре никого не было, и я прошептал:

– Слушай, ты опять за свое? Это ведь Я курю, понимаешь, я. Какое тебе до этого дело?...

– Мне все равно, куришь ТЫ или нет, – равнодушно ответил Черчилль, – но меня не прельщает перспектива слинять из-за тебя раньше срока. Понимаешь?

– Слушай, я просто решил выкурить сигарету. Просто. Решил. Выкурить. Сигарету. Я.

– И что это меняет? – Черчилль любил уточнять с ехидной, всегда бесившей меня усмешкой. Вот и теперь он усмехнулся и повернулся ко мне боком, так что я смог разглядеть ножны черного вакидзаси и жесткую серую шерсть на короткой шее.

– ОК, это ничего не меняет. Теперь просто постарайся помолчать, ладно? Дай мне спокойно покурить. Сделай вид, что тебя нет, тем более что тебя действительно нет...

– Это спорный вопрос. – Черчилль умел быть настоящим занудой.

В нашей перепалке не было ничего особенного. Мы частенько цапались с Черчиллем. У него были свои взгляды на жизнь, у меня – свои. В детстве нас воспитывали разные родители

и по телевизору мы смотрели разные мультфильмы. Обычное дело. Не думаю, что Черчилль обиделся, к тому времени он знал меня едва ли не как себя самого. А я был не самой комфортной личностью в плане общения. Да и чтобы пронять Черчилля, требовалось много больше, чем банальная просьба заткнуться. Поэтому я молча вывел на покрытом изморосью стекле слово «Х...Й» и не подумал извиниться. Хотя, наверное, стоило бы...

– Ты когда-нибудь слышал о Слепом Стороже Пристани? – заговорил Черчилль, когда моя сигарета истлела почти наполовину.

– Нет. Кто это?

– Ну... – Черчилль пожал плечами, – неважно. Он тоже жил в другом месте и в другое время.

– Что ты говоришь? – Почти все истории Черчилля происходили в другом месте и в другое время. – И ты, конечно, не скажешь мне, где это, а?

– Не скажу. Тебе интересно про Сторожа или снова сделать вид, что меня нет?

За окном плыли неприятные сумерки непонятного времени года. Одним словом, межсезонье. Смутное время. Ржавчина. Окно было грязное.

– Рассказывай...

Мало кто знал, что Сторож Пристани был слепым. По крайней мере, по представлениям большинства людей это принято называть слепотой. Люди таковы, каковы они есть, им на все хочется навесить ярлык, и все ярлыки у них далеко не первой свежести.

Но еще меньше людей знало о том, что у Слепого Сторожа Пристани был дополнительный шанс. Про это как-то не принято говорить, понимаете? К тому же в том времени и в том месте наличие дополнительного шанса считалось признаком вырождения, чем-то вроде болезни крови или врожденного уродства. В общем, Слепой Сторож Пристани не особенно этот факт афишировал, хотя на медицинском осмотре при приеме на работу был вынужден о нем сообщить. На него посмотрели косо, но тем не менее взяли.

Так вот, у Слепого Сторожа Пристани были плохие отношения с его дополнительным шансом. Они все время ссорились, иногда не разговаривали месяцами. Старались все делать назло друг другу, словно престарелые, до ужаса надоевшие друг другу супруги. И как-то раз дошло до того, что Слепой Сторож Пристани сбросился с крыши пятиэтажки – только чтобы избавиться от надоевшего дополнительного шанса. А на следующую ночь Слепого Сторожа Пристани сожрала Большая Мурена. Мораль проста: никогда не знаешь, что тебя ждет, понимаете? А раз так – семь раз отмерь, один раз – сбрасывайся...

Но Сторож не погиб. Большая Мурена просто срыгнула его на пристань и сказала, что с этого момента не будет у него ни прошлого, ни будущего. Только ожидание на пустой пристани и слепота. Так и случилось.

– Ну, и к чему ты это рассказал? – спросил я, вминая опаленный фильтр в брюхо пепельницы. – То есть история занятная, не спорю, но ты же не просто так ее рассказал, да?

– Вроде того, – кивнул Черчилль, глядя в сумерки за окном. Шерсть на его загривке отливала серебром с примесью все той же ржавчины. – Шансом Слепого Сторожа Пристани был я. Это от меня он избавился тогда. Я пытался помочь ему. Так же, как и тебе. Но дело, если честно, не в этом. Просто мне нужно было тебе об этом рассказать, а тебе не стоит забывать про Слепого Сторожа.

– Ах, ну да, мораль всегда полезна и так далее.

– Нет. Мне плевать, запомнишь ты, о чем эта история, или нет. Главное, просто помни про Слепого Сторожа. Когда-нибудь тебе понадобится помощь, и...

Если бы я знал в тот момент, о чем говорит Черчилль... Но я даже не догадывался и потому понял его по-своему.

– Черчилль... Понимаешь, я вовсе неуверен, что мне нужна помощь... Но и расставаться с тобой я не собираюсь. Кто будет держать меня в курьерах, если я останусь без тебя? Но я отнюдь не воспринимаю тебя как возможность...

– А разве ты можешь знать наперед? – перебил меня Черчилль. – Разве ты умнее Слепого Сторожа Пристани? Как бы мы ни относились друг к другу, что бы ты ни говорил, но я именно возможность. А все остальное – довесок за счет заведения.

– И все равно ты напрасно читаешь мне мораль. И если я что ляпну сгоряча, не обращай внимания. Мы же вроде как друзья...

Мы помолчали. Я достал еще одну сигарету, долго крутил в пальцах. Курить не хотелось, возвращаться в купе – тем более, а стоять просто так... Ну, вы понимаете. Есть такая тишина – пустая и гулкая, как барабан. Поэтому я все-таки закурил.

– Сколько у тебя жизней, Черчилль?

– Как обычно, девять. А почему ты спросил?

– Я имел в виду... Ну... То есть сколько осталось?

Вообще-то задавать такие вопросы неправильно. Потому что это нам, людям, смерть видится чем-то нереальным, чем-то, во что трудно поверить применительно к собственной шкуре. А они, наши дополнительные шансы, умирают по девять раз. И помнят о каждом. Для них смерть – это не финал существования, а его составляющая. Им приходится с этим мириться, но говорить об этом они не любят.

– Я умирал восемь раз, – помолчав, ответил Черчилль (а я уже начал надеяться, что он промолчит), – осталась последняя попытка. Так что, – он усмехнулся, пожал плечами и вскинул хвост трубой, – так что в чем-то я теперь – человек. Почти. А ты ответишь на мой вопрос?

– А ты задал мне вопрос? – удивился я.

– Нет, но задам.

– Валяй.

Дверь с шумом распахнулась, и влетело трое подростков в спортивных костюмах. Через мгновение тамбур наполнился шумом, матом, дымом и фразами: «Соловьева – сука, но чикса клевая, не дает ни х... пока, ну, х... ли, время есть, подождем...» Подростки демонстративно сплевывали на пол и стены тамбура, с вызовом поглядывая на меня. Я мог бы заставить их слизать собственные плевки, пройти по вагону голыми и почистить обувь всем пассажирам. Любой курьер мог бы заставить этих молодых ублюдков раз и навсегда забыть о вызывающих взглядах. Но ни один курьер не стал бы делать это без крайней необходимости, если он возвращается из трипа и везет на корке мозга слишком много воспоминаний об адресате. У курьеров масса неписаных законов, а моя гордость и чувство самоуважения не страдают от неуместной черной энергии, характерной для подростков. В Библии сказано: мир зол в юности своей. Или что-то вроде того. Это очень точное замечание. Поэтому я терпеливо ждал, когда стадо молодое и знакомое свалит из тамбура. Черчилль молчал. Я тоже. Минут через пять подростки дружно сплюнули сквозь зубы и, бросив на меня последние взгляды, переполненные робкой надежды на потасовку в крошечном тамбуре, скрылись в туалетном предбаннике... Я пожалел, что не ношу с собой хозяйственный инвентарь, – в задымленном пространстве можно было без особого труда развесить десяток-другой топоров.

– Не открывай межвагонную дверь, – попросил Черчилль.

– Почему? Тут такой дымаганице – дышать нечем.

– Ну... В принципе какая разница? Открывай, если хочешь. Пойдем по кругам.

– Что?

– Ничего.

Я пожал плечами, затушил сигарету и открыл межвагонную дверь.

Тварь была там. Уверен, она была там все это время и слышала наш разговор. Четыре когтя грязно-желтого цвета рассекли мою грудную клетку, и в какой-то момент я заметил пуль-

сирующий комок там, между белыми с красным осколками костей и обрывками плоти. Мое сердце?

Тусклый свет отразился на двух коротких лезвиях. С раздирающим нервные окончания звуком сталь встретила с когтями, и Тварь дико завизжала, но не отступила. Именно в этот момент я почему-то подумал, что ведь вакидзаси – непарное оружие и что-то тут не так. Еще я успел заметить, как кошачье тело Черчилля мелькнуло размытым мазком акварели, и сквозь него – черными шрамами – написанное на дверном стекле бранное слово. И потерял сознание. Не думаю, что надолго.

Когда я пришел в себя, Тварь уже спокойно стояла, откинувшись назад на толстый чешуйчатый хвост, и на ее вараньей морде играла довольная улыбка. Она была ранена, по зеленой с желтыми подпалинами шерсти расплзлось бурое пятно крови... Я поднял глаза и увидел за ее плечами рукояти черного и красного вакидзаси. А вакидзаси ведь непарное оружие. В глазах то темнело, то прояснялось, как будто прямо надо мной кто-то раскачивал лампочку без абажура. Но сознание я больше не терял. Не давала боль в срастающихся ребрах...

– Вот и все, – прошипела Тварь, становясь прозрачной и уходя в межвагонный пролет, – куда проще, чем мне казалось.

Она исчезла, а я стоял на коленях, и из моей все еще раскрытой груди выплескивалась равномерными толчками похожая на свежесваренный кофе кровь.

– Ты хотел меня о чем-то спросить, – сказал я.

– Я уже передумал, – прошептал Черчилль, – да и времени нет...

– Мы встретимся, Черчилль?

– Нет... Вернее, не совсем. Ты что, забыл, что у меня оставалась последняя попытка? Я ее использовал, брат. Теперь твоя очередь... Я постараюсь с тобой связаться. Попробую вытянуть тебя. Может, смогу объяснить тебе кое-что, но не сейчас...

– Почему не сейчас?

– Потому что сейчас уже почти утро, и ты меня не услышишь. Прости...

Я не понял его слов. Вряд ли я смог бы понять их тогда... А потом уже было не до того.

Думаю, он умер легко. Я, честно говоря, не знаю, как умирают дополнительные шансы, мы об этом так и не успели поговорить. Мы о многом не успели поговорить.

Я медленно, хватаясь за стену, встал с колен. Голова слегка кружилась. Грудь была уже в порядке, кровь с пола исчезла. Все, что осталось, – я знал это – четыре едва заметных рубца на груди. Факсимиле Твари. Медленно повернув голову, я увидел, что мой окурочок снова задымился. Видимо, плохо забычковал... Я вытащил его из пепельницы. Затянулся. Я почти ничего не ощущал. И не хотел ничего ощущать. Я только думал, что если слезы прожгут мне лицо и вырвутся наружу, то эта ночь потеряет цвет и сигарета перестанет горчить.

2

– Ты уволен, Ром.

Знаете, так однажды случается с каждым. В жизни появляется слишком много тишины, так много, что кажется, будто ничего уже не изменить, и это не пугает, это почти устраивает, становится привычным, более того, единственно возможным – появляется идиотское убеждение, что ты касаешься кончиками пальцев вечности и ничего никогда не изменится. И вдруг это штилевое пространство взрывается банальным телефонным звонком, и оказывается, что вошедшие в привычку покой, тишина, штиль – всего лишь хлипкие гипсокартонные стены, прикрывавшие тебя от гигантского провала там, за границами обжитой пустоты. И вот ты сидишь голый посреди огромной площади, и по свежему срезу твоего тела дети изучают анатомию. И спрятаться больше не за что, да и незачем. Короткие замыкания слов проскакивают по телефонным кабелям пустоты, и у тебя только три минуты на разговор. Всего каких-то три

жалких минуты на разговор. И ни хрена уже не успеть за эти три минуты – жизнь не пере-сказать, прошлое не переделать, будущее не разобрать. Короткие замыкания ненужных слов, просто трехминутный лепет – вот и все, что осталось от твоей вечности... Жизнь в эту минуту кажется потерянной, напрасно прожитой, бессмысленно потраченной. Это не так, но ты ведь не станешь возражать самому себе.

– Коль, я...

– Ром, ничего не надо говорить, ладно? Серьезно, я просто не ожидал от тебя подставы, особенно такой подставы, старик. Неужели ты думаешь, что мы не нашли бы выхода? Не придумали бы, как поступить? С твоим опытом можно смело идти в инструкторы... Если бы ты не промолчал, как...

– Кто на меня настучал?

– Ром...

– Коль, между нами, слово даю. Кто стукнул, что я потерял дополнительный шанс? Механ? Черкес? Кто?...

– Ром, давай так... сегодня вечером в баре на Маяковке, ладно? Там поговорим...

С тех пор как Тварь убила Черчилля, прошло три месяца. Вполне достаточно, чтобы привыкнуть к этому, обмозговать и принять решение. Зима сошла на нет серыми оспинами на снегу, промозглыми закатами, из которых исчезла морозная перчинка, и еще прозрачными стеклами в окнах городского транспорта. Снова началось межсезонье. На Маяке, прямо перед рестораном «Пекин», снова сидит на цепи Зеленый. Зимой он впадает в спячку, и его увозят куда-то на огромном грузовике. Отличный экземпляр, кстати, размером с хороший рефрижератор. И рудиментарные крылья на спинном горбу заметить не трудно... Я разглядываю его сквозь стекло будки телефона-автомата. Только что мой приятель уволил меня с работы. Я не в обиде. В принципе никто, кроме меня, не виноват в том, что за вполне достаточный срок я не привык, не принял решения. Промолчал. Что так и не сумел смириться.

Зеленый почти не двигается, он провожает машины своим единственным глазом и явно чувствует себя не в своей тарелке. Как и я.

Дело не в работе. Дело в моей жизни. Я всегда был курьером. Я таскал на себе ампулы с вирусом «B.I. – COOL», я трижды пересекал границу с урановым зернышком, которое вкалывали мне в вену и от которого нужно было избавиться в течение нескольких часов. Мои мозги разрывались от информации, как в кино про Джонни Мнемоника. Дерьмовая работка? Для кого-то, наверное, так оно и есть. Но для меня это не было работой, это была сама жизнь. Моя жизнь, мое предназначение, если хотите. Призвания бывают разными: кто-то рождается, чтобы написать единственную симфонию, кто-то – чтобы годами писать единственную картину. Я всю жизнь был полевым курьером, я не умею ничего другого и не хочу уметь ничего другого. Я был создан для этой жизни. Но Тварь прикончила Черчилля.

А кому нужен курьер с единственной жизнью? Я вам отвечу: никому. По ряду причин. И ни одна из них не имеет отношения к самому курьеру. Бизнес есть бизнес, там, где играют роль деньги, человеческая жизнь и человеческие причины ничего не значат. Крашенные кусочки бумаги довлеют над всем остальным. И хотя этот жернов – бумажный, он перемалывает кости с легкостью и изяществом бетономешалки.

Солнце над Москвой заволакивает тучами. Недобрыми тучами, которые появляются только в неопределенное время межсезонья, словно напоминание о том, что, уходя, непременно возвращается. Я ей, зиме, завидую. Ей есть куда возвращаться. А мне – уже нет.

– Извини, Коль, не стоит, – говорю я в трубку, – я сегодня вечером занят. Созвонимся как-нибудь... на днях.

– Да, конечно. И... тут деньги твои за трип, приходи за ними, когда сможешь. – Я слышу голос друга, я знаю, что ему нелегко произносить эти слова. Но мне сейчас тяжелее в тысячу раз, а в тяжелых ситуациях мы эгоистичны.

– Спасибо, старик. Перекинь мне их на карточку.

– Да, конечно.

Трубка с холодным щелчком ложится в лапы держателя. Эту историю больше нет смысла описывать в настоящем времени.

На улице громко, с какой-то совершенно непостижимой для человека печалью плененного гиганта, вздохнул Зеленый. Две едва заметные струйки дыма вырвались из его ноздрей и тут же исчезли. Говорят, еще в детстве им удаляют огневые железы. А чуть позже подрезают крылья, так что они перестают развиваться. Вообще-то рано или поздно это происходит с каждым из нас.

Я сунул руку под мышку – в последнее время этот жест стал автоматическим. Старый «макар» времен еще не дымящегося МКАДа, раритетнейшая вещь, подаренная мне курьером Юрким, царствие ему небесное... А в обойме восемь пуль – сплав золота, свинца, желчи гюрзы и еще какой-то хрени. Стандартный набор. И хотя будущее не особенно радовало разнообразием красок, по крайней мере на первое время дело у меня было.

Найти Тварь...

А потом – посмотрим. Таксофон сожрал карточку и глухо заурчал наборным диском. Откуда-то с потолка тихий монотонный голос устало проговаривал рекламные слоганы. Вокруг памятника Маяковскому бродили унылые квадратноголовые фанаты «Dereche Mode» – депеша, – изредка отчаливая в сторону ближайших пивных ларьков. Зеленый все так же вяло провожал глазами машины. На башне гостиницы «Пекин» часовые стрелки замерли в районе двух часов дня. Жизнь продолжалась. Рано или поздно это происходит с каждым из нас. Механизм дает сбой, замирает ненадолго, но уже в следующее мгновение колесики возобновляют бег, и жизнь продолжается.

– Агентство «Каспаров и Гамбит», – знакомый голос знакомой секретарши на ресепшн. – Добрый день.

– Соедините меня с Турбиным, пожалуйста, – попросил я, левой рукой нашаривая в кармане пачку сигарет и зажигалку.

Пока в трубке играла стандартная пластмассовая мелодия, из-за крыши гостиницы «Пекин» выползла гигантская туша рекламного дирижабля, засыпав площадь серым гравием медлительной тени. Я поднял глаза и, щурясь, прочитал: «КЛОН-Дайк для каждого. Всего 40\$, и у тебя появляется возможность прикончить клона своего врага. Тел. 100-666-0».

– Турбин на проводе.

– Алекс, это я, Роман. Есть дело.

– Говори.

– Не телефонный разговор.

– Не вопрос, подъезжай. Я в офисе до вечера.

– Я подъеду минут через сорок. Нормально?

– Вполне.

Я вышел из будки, закурил и медленно побрел к своему «буги», припаркованному неподалеку от театра Сатиры. Зеленый неторопливо повернул голову и посмотрел на меня печальным глазом. Механическая стрекоза-чистильщица трижды облетела его голову и скрылась в сероватом небе.

Едва выехав на Садовое, я попал в безнадежнейшую пробку. Машины не то что встали – они практически вросли колесами в асфальт, исторгая кубометры смрадного дыма и истошно завывая клаксонами. На двух колесах это было бы не так страшно, но на тротуаре, метрах в сорока по ходу движения виднелся синий маркер дорожно-постовой службы. Синий знак ради-

ации и перевернутая литера «А» не обещали ничего хорошего тому, кто решится нарушить запрет касаться тротуарного полотна колесами.

За мной в мгновение ока собралась изрядная автоколонна, так что дать задний ход тоже не светило. Я надвинул щиток забрала, включил фильтры и застегнул воротник куртки. Над Садовым начинали скапливаться плотные облака серо-зеленого дыма. Там, внутри этого облака, что-то уже шевелилось и набухало, но я не мог разглядеть ничего конкретного. Минуты ползли, как покалеченные гусеницы, которым уже никогда не стать бабочками. Клаксоны один за другим смолкли, над улицей повисла напряженная тишина. Из машин начали выскакивать водители, но убежать не торопились. Никому не хотелось потом искать свою машину на государственных автостоянках. Если, конечно, в этот раз все закончится очередным пшиком. Из ближайшего переулочка вынырнула команда ловцов с сетями и электрошокерами, но пока смог был недостаточно плотным, чтоб в его утробе могло сформироваться что-то действительно опасное. Так мне по крайней мере казалось. Я привстал, чтоб разглядеть причину пробки, но что бы там ни произошло, я был слишком далеко. Впереди суетились люди в желтых жилетах и что-то растаскивали огромными баграми. Мимо по тротуару пролетели несколько человек в таких же жилетах, у каждого в руках – красный баллон огнетушителя.

– Не видно, надолго там? – спросил кто-то за моей спиной. Я оглянулся и увидел высывающуюся из окна новенькой иномарки взлохмаченную светлую шевелюру над вполне себе симпатичным личиком. Лет двадцать, подумал я. Беспорядок на голове тщательно продуман. Машина дорогая. Шлюха или дочка богатого папы.

– Понятия не имею. Мне даже не видно, что там случилось, – ответил я.

– Наверняка «Юность» снова развалилась, – сказала шевелюра и спряталась. Зеленоватое тонированное стекло бесшумно встало на место, и я остался наедине со своим отражением...

История «Юности», в общем, стандартна для всех толстых журналов. На заре перестройки, сразу после того, как опьяненная запахом крови толпа растерзала шестерых старших цензоров на Кремлевской набережной, толстые журналы поднялись и в цене, и в популярности. В то время никто не имел ни возможности, ни средств для издания запрещенных еще несколько лет назад писателей и поэтов: Аксенов, Пастернак, Бродский, Хлебников, Солженицын... Журналы выпускались гигантскими тиражами, и все равно их не хватало. «Смена», «Нева», «Звезда», «Новый мир», «Юность»...

Однако продолжалось это недолго. Открытые границы, отмена цензуры и общая псевдосвобода сделали свое дело, и уже через пару-тройку лет книжный рынок России был перенасыщен. Необходимость в толстых журналах отпала, и они стали погибать. Но снизить тиражи было уже невозможно, поскольку тиражный план был принят на два десятка лет вперед, деньги вложены, договоры с авторами подписаны. В общем, несмотря ни на что, журналы печатались. И печатаются по сию пору. Торговые точки отказались от их реализации, крупные книжные магазины не желают делать ставку на полумертвые тела литературных динозавров, а мелкие заказы школьных и университетских библиотек не способны поглотить и десяти процентов выпускаемой бумажной продукции. Вскоре все редакции толстых журналов были закрыты, коллективы распущены или перепрофилированы под иные издания, менее серьезные, но с большей финансовой перспективой... А тиражи все свозили и свозили к бывшим офисам редакций. Росли гигантские торосы макулатуры, и службы города не успевали разгрести этот хлам. Он копился годами, и вспоминали о нем лишь в случаях самовозгорания или вот таких вот бумажных оползней: огромное здание досталинского ампира оказалось переполнено журналами, и в конечном счете его стены не выдержали, по ним пошли огромные трещины, и в них хлынули потоки испещренной типографскими литерами бумаги. Мгновенно перегородив проезжую часть на Садовом кольце и парализовав движение. Если бы это случилось ночью, все было бы проще. Но сейчас над приливной волной бумаги формировалось серо-зеленое облако смога, и что там, внутри этого облака, развивалось, не мог сказать никто. Бумага могла ока-

заться охваченной пламенем... Да, пожалуй, такой вариант самовозгорания устроил бы многих. Пострадало бы несколько автомобилей, но пожар устранили бы в кратчайшие сроки, и никаких серьезных последствий бы не было. Как известно, из двух зол следует выбирать то, что уже знакомо. Но непрочитанные статьи, не нашедшие читателя повести, не дошедшие до адресата стихи несли в себе мощный нереализованный посыл, и никто не смог бы сказать, как на это среагирует то, что формировалось на моих глазах в серо-зеленом облаке смога.

Едва выстроив в голове эту нехитрую логическую цепочку, я понял, что придется, видно, проигнорировать синий маркер и спасти шкуру... Перекинув переднее колесо мотоцикла через тротуарный бордюр, я отпустил тормоз и вылетел с проезжей части. Двое рабочих в желтых жилетах испуганно прижались к стене дома. Краем глаза я заметил, как по асфальту стремительно растеклось синее пятно маркера и рвануло в мою сторону, оставляя за собой маслянистый след.

– Ну, ОК, давай посмотрим, кто быстрее...

Движок «буги» взревел, я быстро сунул руку под бак и вырвал предохранитель ограничения скорости. Черт с ним, правила я все равно уже нарушил. Маркер наверняка быстро вычислит и марку, и номер мотоцикла. А заодно и то, что уже несколько лет он числится в угоне...

Я свернул в переулок, потом в какие-то дворы. Маркер отстал уже после третьего поворота. Еще некоторое время я гнал по незнакомым переулкам, все глубже уходя в лабиринт старых улочек, выпавших из времени особняков, застывших во времени деревьев-великанов... В какой-то момент я понял, что за мной никто не гонится, припарковал байк к витой решетке забора с многочисленными виньетками «К» в чугунных овалах и дальше пошел пешком. В первой попавшейся урне осталась куртка. Документы, кредитка и сигареты перекочевали в задний карман джинсов. Было знобко...

Я закурил и, сделав солидный крюк, снова вышел к метро «Маяковская». Со стороны Садового донесся первый глухой и отчетливый хлопок.

Надеюсь, хозяин машины догадался убраться, прежде чем взорвался бензобак, подумал я, спускаясь в сумрак московского метрополитена.

Я осознавал, насколько нелепо смотрюсь среди демисезонной толпы в джинсах и помятой футболке цвета хаки, но вариантов не было. Чтобы отгородиться от атакующих наглым и неуемным любопытством взглядов, я перетащил с шеи на голову наушники и почти мгновенно ушел в монотонный голос чернокожей певицы соул, пробирающей хрипотцой до самых пыльных закоулков души, запахом мускуса напоминающей о чем-то трогательном и ненужном, без чего жизнь теряет всякий смысл и напоминает корабли, на которых мачты и паруса заменили коптящими трубами. В общем, сопли и лирика, к которым я питал слабость. Уносящиеся ввысь мозаичные потолки, арочные своды и листы гофрированной жести, которые закрывали ремонтирующийся последние полвека выход, – я слишком давно не видел всего этого, предпочитая метро наземный транспорт. Прежде всего – исходя из специфики работы курьера. Задержать человека в метро не так сложно, как кажется на первый взгляд. И даже в часы пик из-за постоянного видеонаблюдения и огромного количества милицейских маркеров подземка – не самое комфортное место для курьеров. А толпа, в которой на первый взгляд легко затеряться, при необходимости срочно уносить ноги может стать настоящим препятствием. Поэтому курьеры старались избегать метрополитена.

Поезд всосал в себя толпу пассажиров. Толпа прихватила меня. Вагон едва заметно покачивало и заносило на поворотах. Лампы мигали и временами тускнели, так что свет периодически становился мутным, как разбавленное пиво. Пластиковые стены нелепого бледно-голубого цвета пестрели рекламными плакатами, которые требовали потреблять, употреблять или в крайнем случае (и только за очень большие деньги) быть употребленным. Дорогие публичные дома, право участвовать или наблюдать за смертной казнью, право быть казненным, льготное открытие счетов, льготное вскрытие вен на дому, массаж, минет, оружие в рассрочку, парфю-

мерия и средства от насекомых, виртуальный секс... Надоевшая до безобразия обыденность и пошлость. Прямо напротив меня, слева от схемы линий московского метрополитена, так определенно напоминающей классическую пентаграмму, жгучая темноволосая красавица сладострастно облизывала батончик шоколадки «ФАС»...

Я отвернулся...

И эти люди еще удивляются потере интереса к сексу и стремительному снижению количества естественных зачатий, посвящают этой теме часовые ток-шоу... Мир кретинов. Да большинство постоянных пассажиров метрополитена просто прозомбировано этой рекламой, и как минимум треть из них употребляет шоколадные батончики не по назначению. Хотя черт знает, каково теперь их истинное назначение.

Тверская. Вагон срыгивает меня на платформу, чтоб поглотить новую порцию человеческого материала.

Уже на эскалаторе я проверил мобильник и обнаружил один непринятый и неопределенный номер. Это мог быть кто угодно...

Залитые неестественным светом витрины подземного торгового центра желтым пятном впечатались в сетчатку глаз, но я миновал десяток ступеней, и сорвавшееся с цепи солнце хлынуло на серый маслянистый асфальт сквозь порез в серых тучах. Оно выглянуло как раз в тот момент, когда я покинул подземелья метрополитена. Стало ясно – весна набирает силу...

Около выхода из метро грязный раста с всклокоченными дредами дубасил ладонями по бонгам. Прохожие с легкой брезгливостью кидали монеты в грязную цветастую кепку, валяющуюся прямо на асфальте. Рядом с растой стоял милиционер, алчно взирая на растущую горку мелочи. Подавать не было смысла, я знал, куда пойдет большая часть заработанных уличным перкуSSIONИСТОМ денег. А милиции я и без того платил, исправно отчисляя немалый кус личных доходов в виде налогов.

Однако милиционер обратил на меня внимание, издали кивнул и, отдав честь вальняжным жестом, неторопливо направился ко мне. Я достал документы.

– Гость столицы? – с кривой усмешкой спросил блюститель, проводя по штрих-коду в паспорте перстнем с перевернутой литерой «А» в круге. – А... нет, смотри-ка... А я думаю, жаркий такой, гость, наверно.

– Куртку в метро забыл. Опомнися, а поезд уже пошел, – соврал я, глядя менту в глаза.

– Бывает, – кивнул тот и взялся за трудовую карточку.

– Вообще-то меня сегодня уволили.

– Вчера, если быть точным, – сказал мент, возвращая мне документы. – Законы, надеюсь, помним? Три рабочие недели на то, чтоб организовать свою трудовую деятельность, в противном случае – депортация за границы МКАД.

– Да, я в курсе...

Милиционер снова приложил вялую ладонь к козырьку и отошел к расте наблюдать за ростом собственных доходов. Жаль, что нет официального налога на поборы. Жаль, что это снулое человеческое недоразумение не попросило у меня документов ночью и не на такой людной улице. Жаль...

Я быстро пересек проезжую часть. На огромном уличном экране транслировали последние новости. Прилизанный репортер беззвучно шевелил губами над микрофоном с лейблом «Эртеррор». На заднем фоне – Садовая в районе Маяковки. Мелькнула груда искореженного металла, кипы журналов, двое санитаров в зеленой форме, носилки, из-под полиэтиленового пакета выбивается беспорядок знакомых светлых волос. Продуманность из беспорядка исчезла, кое-где волосы склеила темная бурая масса... Я было отвернулся, но тут же снова перевел взгляд на экран. Мой «буги», припаркованный к витиеватой чугунной решетке с виньеткой в виде буквы «К» в чугунном овале. Ну-ну, ищите... По крайней мере, у вас теперь есть на кого списать как минимум одну смерть. Мелькнула мысль, что с этих ребят станет

повесить на меня всю байду с обвалом здания, но я постарался ее отбросить... Мотоцикл я вел в перчатках. На лице было забралом шлема. Нет, вряд ли они смогут найти меня в ближайшее время. А через день-другой я сделаю себе новые документы, и тогда – ищи ветра в поле. Благо, деньги есть. Надо только добраться до Турбина. Они, конечно, рано или поздно найдут куртку, потом узнают о странном субъекте, разгуливающем в одной футболке. Но на это тоже потребуется время. А пока их головы заняты другими проблемами. Мимо репортера пронесли еще одни носилки, потом еще...

Из-за крыши «Известий» неторопливо и вальяжно выползла туша рекламного дирижабля, единственного хозяина неба над Москвой. Густая тень легла на площадь маслянистым пятном. Откуда-то налетел ветер, и я прибавил шагу, потирая голые руки.

Чуть попозже свернул в знакомую улочку, нашел глазами вывеску «Каспаров и Гамбит. Разнообразные юридические услуги. Если вам нужна непрофессиональная помощь, то это не к нам». Желтостенный трехэтажный дом-особняк, в окнах – стеклопакеты, отдельная стоянка, отгороженная тяжелой цепью, вооруженный автоматом «узи» секьюрити с остановившимся, как у трехнедельного трупа, взглядом на входе.

Меня тут хорошо знают, пропускают без вопросов.

Алекс Турбин вот уже несколько лет является моим финансовым управляющим. Большую часть денег, причитавшихся мне за трипы, я перечислял на счет юридической конторы «Каспаров и Гамбит», детища Алекса Турбина. Что с ними происходило дальше – понятия не имею. Главное, что мои счета росли. Алекс был дельцом настолько нечистым на руку, что его имя постоянно окружала дурная аура каких-то жутких слухов о выловленных в Москве-реке трупах конкурентов, отмывании грязных денег и участии в незаконной торговле оружием. Словом, Турбин был обычным процветающим мерзавцем своего времени, но при всем том человеком слова. Не знаю уж, как эти качества уживались в нем, но понятие чести ему было знакомо. И вот однажды, при не имеющих значения обстоятельствах Турбин стал моим должником. Я подумал, что быть кредитором человека с репутацией гризли – не самая выгодная позиция, и предложил Турбину заняться моими финансовыми делами. С тех пор всеми моими деньгами распоряжается юридическая контора «Каспаров и Гамбит». И мне ни разу не пришлось об этом пожалеть.

Итак, я бегом взлетаю на второй этаж, прохожу коротким гулким коридором, потом еще по одной лестнице взбегаю на третий. На площадке между этажами стоит вылизанная до блеска пепельница. На стене – табличка: «Think before smoking».

Сердце колотится обезумевшей рыбой в разбитом аквариуме. Дверь Алекса Турбина открыта... Я вхожу осторожно, вхожу, хотя уже понимаю, что делать этого не стоит. По кабинету разбросаны какие-то бумаги, на мониторе – скринсейвер: улыбающаяся звезда Playboy с монументальным выменем. Сам Алекс умиротворенно осел в кресле, глядя пустыми глазами в идеально чистое окно. На столе – несколько дорожек кокаина. Левая рука Алекса сжимает «парабеллум», обойма валяется на полу около кресла. Рядом с кокаином – несколько испачканных в белом порошке патронов. Во лбу Алекса – идеально круглое отверстие. Крови почти нет... Это даже красиво, черт побери.

Но почему же в лоб? Почему не в висок, не в рот, а именно в лоб? Я поднимаю глаза. В углу окна – маленький паук разбегающихся от круглого отверстия трещин. Точно такого же отверстия, как во лбу моего финансового управляющего Алекса Турбина.

Иногда все начинается с телефонного звонка. Или с трескотни будильника. Или с крика соседа за стеной. Или с выстрела на соседней улице. Ты втекаешь в канву событий, становишься одним из элементов происходящего, что-то творишь, что-то творится с тобой. И не важно, хотел ты этого минуту назад или не хотел. Даже самому себе ты не можешь задать эти вопросы: не хватает времени, сил, сноровки, смекалки. Но чаще всего все-таки времени. И вот ты в

очередной раз обнаруживаешь себя бегущим по улице в джинсах и мятой футболке. И ты ни хрена, ни хрена не понимаешь. Тебя охватывает паника, водоворот, из которого почти нереально вынырнуть. Разве что куда-то в сторону, туда, где тебя никто не ждет. Это в тебе вдруг срабатывают рефлексy, заложенные еще во время обучения работе курьера. Простые правила, вбитые в голову и почти забытые, в какой-то момент они становятся единственно важными, и на фоне багровой дымки ужаса, которая застит глаза, всплывает морщинистое лицо учителя. Он говорит: «Когда ты уверен, что тебя загнали в угол, помни – загонщик думает точно так же. И это хорошо. Это прибавляет ему самоуверенности. Самоуверенность отнимает разум. А дурака легко обмануть...»

«Эгей, – говорит Монгол за спиной учителя (хотя между тем днем, когда убили учителя, и тем, когда на одной кислотной вечеринке меня познакомили с Монголом, разница в несколько лет), – я давно не работаю курьером, – говорит Монгол, и кивает дремлатой головой, и называет меня „старый нига Рома“. – Но ты же знаешь, перестать быть курьером невозможно. Я курьер, только особой квалификации. Если тебя, нига Рома, загонят в угол, приходи ко мне, и Монгол поможет тебе выкрутиться».

Надо только успеть.

II

1

У Монгола есть две отвратительные привычки: курить в туалете и все называть своими именами. То есть, скажем, сидит он в туалете, курит и называет дерьмо дерьмом... Точно так же он относится к чужим проблемам. Как хирург называет открытый перелом открытым переломом, так Монгол называет дерьмо дерьмом... Иногда, чтобы помочь человеку, ему приходится сделать больно, говорит одиозный персонаж советского кинематографа. Монгол – тоже хирург. Но особой квалификации.

– Ты влип, старый нига, ты не-ре-аль-но влип. Даже если пэпээсовский маркер не вычислил тебя, что в принципе вероятно... Хотя нет, перчатки найдут, там твои пальцы, сопоставят... – Упакованная в густые дреды голова плавно качнулась, плечи вяло поднялись и опустились. – Но даже если и не вычислят... А им выгодно вычислить и повесить на тебя всю эту байду с редакцией и смогом. Там, между прочим, люди пострадали, ты в курсе? Но даже если не вычислят... Тот тип у офиса, каким бы гамадрилом он ни был, сопоставит все, или те, кому он расскажет про тебя, сопоставят... Это уже неважно. Кто-нибудь что-нибудь непременно сопоставит. Потому что кто-нибудь что-нибудь все время сопоставляет. Короче, ты все равно нереально влип, старый нига Рома.

– Так... влип. – Я кивнул, чувствуя, как тело наливается приятной тяжестью. Монгол перехватил у меня косяк, подлечил пенек гильзы и добил одним напасом.

– Вот я и говорю... ты влип...

– Влип...

– Да, старик, ты влип и потому обратился по нужному адресу. Старый нига Монгол тебе поможет. Хотя, надо заметить, ты основательно влип... Нереально...

– Я знаю... Я влип...

– Я понимаю, что ты знаешь, просто констатирую в никуда... ну как бы и не тебе даже... даже, в общем, кому-то третьему... ну ты же в курсе, что всегда есть кто-то третий... Но не тот, что сопоставляет, нет... Другой... И я ему говорю – ты влип. То есть не ты, в смысле он... Я хочу сказать... ты, то есть ты... но...

– Монгол, ты гонишь? Признайся, друг, ты гонишь?

– Перестань, нига... Я думаю о тебе, брат. Я волнуюсь, потому что ты влип. А ты смеешься мне в лицо...

– ...

– Ты неблагодарный человек, Роман...

– ...

– Ты просто животное, нига!

– ...

– ...

Двое суток – два гулких, как нутро глобуса, бесконечных, как соединенные по три питерские трамваи, растягивающихся, как дорогие презервативы, куска вечности я просидел в квартире Монгола. Один. Сам Монгол, буравя пространство спиральными зрачками, отправился разруливать мои проблемы, и с тех пор признаков жизни не подавал. Порой, приходя в отчаяние и чувствуя приступы клаустрофобии, я пытался ему звонить. Я накручивал допотопный наборный диск, но мобильник Монгола трижды огрызнулся недоступностью, после чего при-

ятный женский голос объявил, что данный номер заблокирован... Однажды я взвыл, и это так меня напугало, что я мгновенно пришел в себя.

Погода на улице испортилась, и квадраты окон обратились к улице серой стороной, то ли пугая прохожих, то ли уйдя в глубокую, недоступную людям меланхолию пасмурных дней. От этого серого цвета было невозможно спрятаться, маленькая однокомнатная квартирка мгновенно пропиталась им и отяжелела, нагоняя норные настроения. Телевизора у Монгола не было. Компьютера тоже. В прихожей на тумбочке стоял старый дисковый телефон, ровесник пожарных конок и восстания кронштадских матросов. Диск при наборе скрипел, обо что-то задевал и периодически заклинивал. Над телефоном висела карта линий Московского метрополитена, очень древняя, еще похожая на паука, еще с кольцевой линией. На карте в самых различных местах были записаны телефоны. Свой я не без некоторого труда обнаружил в районе станции «Коломенская». И долго не мог вспомнить, когда это я дал Монголу свой номер. Выходило, что никогда.

Я бродил по зажатому в желто-зелено-красные обои пространству и все больше ощущал себя хищником в зоопарке. Или молью. Или тараканом. Кем угодно, только не свободным человеком. И все чаще меня тянуло плюнуть на все и покинуть это гиблое место, которое даже веселые цвета ямайского флага не способны спасти от тоски. Как ни странно, в эти минуты отчаяния и дикой, невообразимой скуки я ни разу не задумался о своем положении. Я обрастал плесенью безделья, но не сделал даже попытки разобраться с собственной жизнью. Возможно, сработала какая-то защитная функция мозга, а может, все дело в том, что у меня с самого начала сложилось ощущение, что все происходящее – не на самом деле, а понарошку, как в кино или книге. Ощущение ложное, но благодаря ему я больше не впадал в панику. Я думал обо всем подряд. О горячей черте свалок вокруг МКАДа. О рекламных дирижаблях. О Зеленом. О журнале «Юность» и московских пробках. О своем прошлом. И о Монголе, которого все чаще крыл черным матом, совершенно забыв о том, что как раз в эту минуту он пытается разобраться в заваренной мною (но мною ли?) каше. Я помнил лишь стены, серые окна, асфальтовое небо за ними и тишину, которую нарушали только мои чертовы опостылевшие мне самому шаги. Но я мерил и мерил ими комнату из угла в угол, садился на минуту и снова вскакивал, чтоб мерить комнату из угла в угол, кроя хозяина квартиры черным матом. А ведь вся моя вина была только в том, что я оказался не в том месте и в не то время, как любил выражаться Черчилль. А потом еще и попытался спасти собственную шкуру. Впрочем, об этом я не думал.

О Монголе.

Когда-то давно он был курьером и считался одним из лучших. Ему доверяли такое, на что я не рассчитывал даже в радужных снах. Подозреваю, что такое не снилось даже засранцу Мнемонику. Платили соответственно. Потом Монгола уволили. Никто точно не знает, за что, но заданий Монгол не проваливал никогда, это точно. Дело было в чем-то другом. Ходили смутные слухи, что он отказался везти какую-то очень важную информацию, но это ближе к бреду, к профессиональному фольклору, типа Черного Курьера, Твари или Ниху... Курьер не отказывается от трипов, поскольку в трипах, повторяю, его жизнь. Поверить в такое я был не способен. Впрочем, в Тварь я тоже не верил, пока не столкнулся с ней в прокуренном тамбуре поезда Тамбов-Москва... В общем, Монгола уволили, и я на какое-то время забыл о нем. Однако Монгол не пропал. Он переквалифицировался, и очень скоро среди курьеров пошли другие слухи – дескать, Монгол подался в умельцы. Кто такие умельцы? Они... Они – умельцы. Люди, которые за соответствующее вознаграждение готовы решить любую проблему, от спасения утопающих до уничтожения президента страны. Получить патент на такую работу крайне трудно. Но Монгол его получил. Позже, на кислотной вечеринке, нас познакомили второй раз. Монгол сделал вид, что никогда меня не видел. Хотя, собственно, мы никогда особенно не общались. И я решил ему подыграть, рассудив, что парень знает, что делает. Теперь я сидел

в квартире Монгола, пропитывался серым цветом, глухой, подавляющей тишиной и скрипом дискового телефона, которому все абоненты были недоступны.

...Я снова стоял в коридоре, в тысячный раз разглядывая древнюю карту метро, когда внезапно услышал голос Монгола:

– Ну что, заждался?

Голос шел из кухни. Я стоял в коридоре, у самой двери. Мимо меня пройти Монгол не мог. Поэтому сначала я услышал щелчок предохранителя, а уж потом почувствовал тяжесть «макара» в руке...

– Крыша съехала от одиночества, – понимающе проговорил Монгол, медленно отводя ствол пистолета от лица, – пукалку-то убери, шмальнешь, не дай Джа...

Он стоял спиной к тому месту, где когда-то была кухонная стена. Теперь стены не было. Вместо нее была грязная и неосвещенная лестничная площадка, на которой стояли продавленный диван, телевизор с разбитым кинескопом и лопата для снега. Куда подевались только что занимавшие это место совершенно пустой холодильник, газовая плита и кадка с бамбуком, я понятия не имел.

– Вообще-то так не делают, – сказал я, убирая пушку, – мог и правда шмальнуть. Рефлексы...

– Благодарность человеческая не знает границ, – пожал плечами Монгол, – я двое суток ношусь с твоей проблемой, ищу выход, нахожу, кстати, а ты готов пристрелить меня по возвращении. Спасибо, нига Рома...

– Мог бы войти через дверь.

– Не мог. Во дворе полно пэпээсовских маркеров. Они еще не знают, в какой ты квартире, но уже в курсе, что ты в этом доме. Так что собирай манатки, будем спасать твою шкуру, нига. Сколько это стоит, ты, надеюсь, помнишь?

– Помню, доверенность у тебя... Как они меня вычислили?

– А вот сие мне неведомо, – пожал плечами Монгол. – Ну что, сразу сматываемся или дунем на дорожку?

– Сразу. После твоей дури я вообще соображать перестаю...

– Это ты с непривычки. На-ка вот, – Монгол протянул мне небольшой сверток, – тут НЗ. На всякий случай.

2

Мое бегство от неприятностей началось с долгого спуска по гремющей винтовой лестнице времен Ивана Грозного куда-то в глубинные недра московского андеграунда. Правда, в какой-то момент в свете ручного фонарика я разглядел на ступенях выдавленные цифры «1892». Так что с датой я ошибся довольно серьезно, но это мало что меняло. В моем университете, к сожалению, не преподавали сопромат, и я не мог точно сказать, утрачивают ли прочность чугунные ступени после ста с лишним лет эксплуатации. Однако с этой минуты стал еще напряженнее вслушиваться в каждый скрип и шорох.

Монгол, впрочем, спускался легко, как ни в чем не бывало насвистывая какой-то ямайский мотивчик.

– Эй, Монгол, – окликнул я его, чтобы хоть как-то заглушить мысли о теории сопротивления материалов, – как получилось, что ты не стал одним из людей расты, а?

– А почему я должен был стать человеком расты? – ответил он, не оглядываясь.

– Ну... Я бы не удивился.

– Ну и зря. Мне, конечно, нравится музыка регги и нравится курить канабис. Но я никогда в жизни не надел бы на свою голову этот их идиотский берет. Знаешь, на мой взгляд, сочетания хуже, чем красный, зеленый и желтый, просто нет. К тому же я предпочитаю бить в челюсть,

а не подставлять свою... Хотя фишку с дредами они классно придумали. – Монгол тряхнул дредлатой башкой и издал что-то вроде довольного «хехе».

– У тебя же обои желто-зеленые в квартире.

– А я там не живу. Там сидят и киснут от тоски такие бедолаги, как ты, пока я разруливаю их проблемы. Сам я живу в другом месте.

– А ты добряк, да, Монгол?

– И не говори, нига Рома, и не говори...

Потом он не меньше часа водил меня по коридорам с низкими потолками, подвалам, проштопанным нитями электропроводов, простенкам, напоминающим трещины, и комнатам, похожим на норы диких животных. Часть комнат была доверху забита ржавым металлическим ломом. Другая пустовала и пахла плесенью и сыростью. Мы миновали довольно большое помещение, уставленное ученическими партами, со школьной доской на стене. Никаких окон там, разумеется, не было, да и быть не могло, – я четко осознавал, что нахожусь на глубине нескольких десятков метров под землей. Потом мы вышли в странный коридор с огромными трубами на полу, которые через каждые несколько метров прерывались широкими раструбами. Там жили голоса. Едва войдя, я услышал несколько десятков голосов сразу, громко говоривших о совершенно разных вещах: о завтраке, о политической ситуации, о соседях, о сотрудниках, о шефе, женах, футболе, биржевых операциях. После тишины подземелий эта разноголосица странным образом давила на сознание. Хотелось заткнуть уши, что я и сделал, но голоса от этого не стали тише... Когда мы покинули коридор, я вздохнул с облегчением.

– Первый раз, помнится, я чуть не сошел с ума в этом месте, – кивая дредлатой головой и не останавливаясь ни на миг, сказал Монгол, – я ведь был совсем один.

– Да, жуткое место, – согласился я.

– А главное, непонятно, для чего предназначенное, нига Рома. Тут, под землей, много подобных непонятных мест. Я стараюсь обходить их стороной... Но сегодня мы идем короткой дорогой.

Довольно скоро я перестал понимать, в каком направлении мы двигаемся и двигаемся ли вообще. Я не смог бы сказать, на каком расстоянии от поверхности земли мы находимся. А может, Монгол водит меня кругами с какой-то только ему известной целью? Несколько раз нам пришлось подняться и спуститься по менее длинным, но не менее подозрительным лестницам. Я порвал рукав футболки, проползая по ржавой трубе. К тому же повсюду была эта чертова стекловата, и теперь руки жутко чесались. Дважды пришлось проползать на брюхе в какие-то крысиные дыры. Потом мы карабкались вверх по трубе по скобам, вбитым в бетон. Я был готов к тому, что скоба вот-вот вылетит из-под моих ног, и одна-таки вылетела, но мне удалось уцепиться руками за следующую и не отправиться в мир большой охоты раньше времени. А Монгол продолжал насвистывать ямайский мотивчик...

– Ты как будто домой вернулся, – проворчал я, вылезая из трубы.

– Так и есть, нига Рома, – щербато улыбнулся Монгол, – так и есть. В одном из подвалов в нос неожиданно ударила жуткая смесь аммиака и керосина: характерный запах зараженного пэпээсовским маркером асфальта.

– Тс-с-с, – прошептал Монгол и прижал палец к губам, – они наднами.

Я кивнул, давая понять, что все понял. Одно радовало: теперь я знал, что на какое-то время мы приблизились к поверхности почти вплотную.

Но потом снова потянулись коридоры, подвалы и лестницы, ведущие вверх и вниз, и я потерял всякое представление о своем месте в этом жутком пространстве Босха. Не помогали даже инстинкты и рефлексы курьера: я просто не знал, где мы. Комнаты и кладовки, тупики, скобы в стенах, пустые трубы и паутина проводов, двери, приставленные к стенам, двери, висят на одной петле, двери, валяющиеся на полу, и, наконец, дверные проходы без дверей. Иногда мне казалось, что мы блуждаем в этих катакомбах целую вечность, а не несколько часов.

В какой-то момент мы наткнулись на бригаду флегматичных крысоловов. Они тихо наигрывали на гаммельнских дудочках и не обратили на нас никакого внимания.

– Стабильно здесь ошиваются, – усмехнулся Монгол. Я было приложил палец к губам, но Монгол отмахнулся: – Забей, они же глухие. Все крысоловы глухие.

– А они не стукнут на нас? – спросил я.

– Не думаю, – сказал Монгол, ныряя в очередной коридор, – они же крысоловы. Какое им дело до людей?...

Прошло еще около получаса, и мы вновь вышли к винтовой лестнице. Эта, впрочем, была пошире и казалась менее старой. Скрипела, правда, так же оглушительно, хотя ее ступени и были присыпаны бурыми опилками, впитывающими звук шагов... К тому же мы уже не спускались, а поднимались.

– Готов встретиться с легендой московского фольклора? – спросил вдруг Монгол и подмигнул мне.

– С какой легендой?

– Тихо... – Монгол снова приложил палец к губам и хитро усмехнулся. – Давай подождем немного. Сигарета есть?

Мы довольно высоко поднялись по лестнице. Я устал и был рад передышке, решив для себя, что если уж я доверил Монголу свою шкуру, то теперь не имело смысла идти на попятную.

Мы закурили и стали ждать: Монгол – хитро скалясь и что-то бормоча себе под нос, а я – просто так.

Когда выровнялось дыхание и утихомирилось стучащее в висках сердце, я, к своему удивлению, услышал странную, некрасивую мелодию. Кто-то наверху, скрытый несколькими спиралями лестницы, тихо напевал, изредка, как и Монгол, бормоча что-то невнятное... Я вопросительно посмотрел на Монгола, но тот приложил палец к губам и стал медленно подниматься. Помедлив, я двинулся за ним. Уже через несколько витков лестница кончилась, и мы оказались в небольшом помещении, сыром и неприятно промозглом. Стены из побуревшего от времени и сырости кирпича казались склизкими и холодными. Кое-где из стен торчали железнодорожные костыли: на одном из них висел намотанный кольцами провод с пыльной, гнойно-желтушной лампой, которая почти не давала света. Лампа слегка покачивалась, заставляя неверные тени бегать из одного угла в другой. На втором костыле висел подрамник с неровно натянутым грубым холстом, а перед ним стояла, напевая себе под нос некрасивую мелодию, с пятнистой палитрой в левой руке и десятком разномастных кисточек в правой легенда московского фольклора... И я вновь подумал, что в последнее время многое из того, во что я раньше отказывался верить, обретает плоть и смысл.

Низовой Художник работал усердно и увлеченно. Он не обратил на нас никакого внимания, то нанося на холст мазок, то отходя на шаг и окидывая свою работу критическим взглядом. Сам Нишу выглядел именно так, как описывали его темными ночами в палатках пионерлагерей и комнатах студенческих общаг: тощий и невысокий, с всклокоченной шевелюрой бесцветных волос, бледный из-за постоянной нехватки солнечного света, с непропорционально длинными руками... Я перевел взгляд на холст, но не увидел ничего, кроме разрозненных цветowych пятен...

– Здравствуй, Нишу, – вполголоса поздоровался Монгол.

– А-а, здравствуй, Монгол, – оборачиваясь, произнес Нишу. Я вздрогнул, заметив, что оба его глаза заклеены квадратами лейкопластыря – из-под левого сочилась омерзительная влага. – Кто это с тобой? Запах незнакомый...

– Это курьер, о котором я тебе говорил. Нам нужна дверь...

– Да-да, припоминаю... ты заходил как-то... Недавно ведь?

– Вчера...

– Да-да, – Ниху снова отвернулся к холсту и резким движением нанес на него неровную черту бледно-зеленого цвета, – знаешь, что я пишу сейчас, курьер?

Монгол обернулся ко мне и кивком велел подойти поближе. Я повиновался, хотя чувствовал, как по коже бегут мурашки страха. Если одна часть легенды о Низовом Художнике оказалась правдой, что мешало и второй части оказаться таковой? Чем-то (или кем-то?) он должен был питаться. Я подошел, аккуратно опустив руку в карман и сжав рифленую рукоять «макара»...

– Я ведь тебя спросил, курьер, – тихим, холодным, как само это помещение, голосом сказал Ниху, – как ты думаешь, что я пишу?...

– Если... – слова попытались застрять у меня в глотке, и я сглотнул, проталкивая комок, – если верить тому, что я слышал, ты рисуешь будущее.

– Возможное будущее, – уточнил Ниху, добавляя к бледно-зеленой черте кислотно-желтую, – все художники в той или иной мере рисуют будущее. Реже прошлое. Но прошлое всегда мертво. Оно прошло, оно статично. А будущее – интригует... Но я рисую даже больше, чем возможное будущее. Я рисую весьма вероятное будущее. И знаешь, курьер, я пока ни разу не ошибся.

– Да, я слышал.

Низовой Художник отошел от холста и некоторое время смотрел на него двумя грязными крестами пластыря: одним сухим, с зелеными точками, вторым мокрым и потемневшим... Мне жутко хотелось отступить, но Монгол заметил это и покачал головой. И я, сделав над собой усилие, не двинулся с места.

– Вот смотри, – сказал Ниху и указал пальцем на большое белое пятно, – это Пинас... А это, – он перевел палец на две черты желтого Цвета, – это тигровые манипулы генерала Фальстата. И все это вместе – Пелопонесская битва...

– Пелопонесская? Но разве это будущее?

– Разумеется. – Ниху улыбнулся, показав ряд острых зубов. – Эта Пелопонесская битва еще не случилось. Она начнется послезавтра, в половине восьмого утра, когда Фальстат поднимет мятежные войска. Ну, может, я и ошибаюсь на неделю-другую, это не имеет никакого значения. А вот это, – он ткнул пальцем в неровный квадрат черного цвета, – это Гарибальдийская тюрьма, откуда мятежники выпустят заключенных, в том числе и группу «Особь»...

– Я что-то слышал о них...

– Услышишь и еще, – кивнул Ниху, – через полчаса ты будешь у Фальстата, и там у тебя будет возможность услышать об этом и о многом другом.

Я удивленно оглянулся на Монгола, но он кивнул:

– Да, старик, это единственный выход. Фальстат, конечно, проиграет, все мятежники рано или поздно проигрывают, но беспорядки в городе помогут тебе уйти. Через трое суток тебя подберет по маячку вертолет и переправит в квадрат Острова Хирурга. Там тебе, если захочешь, сделают новое лицо, новое ДНК, новое все, кроме мозгов, и ты сможешь вернуться. Но выйти из города сейчас тебе не дадут. Маркерный кордон предупрежден о тебе. И рано или поздно тебя достанут. Впрочем, ты можешь остаться жить внизу.

– Нет, не может, – покачал головой Ниху, – я не разрешу такому, как он, остаться внизу. Он съест крыс, которых ем я. Я нарисую вам дверь, и вы уберетесь отсюда...

Низовой Художник сделал шаг в сторону и быстрыми и точными движениями очертил на стене прямоугольник размером со стандартную дверь. Затем он легонько толкнул его, и эта часть стены рухнула куда-то наружу, впусив портал ослепительно яркого света.

Ладно. ОК. Отлично... Это безумный день, я в безумной ситуации, меня окружают inferнальные крысоловы и в высшей степени странные художники. Если бы отсюда можно было уйти просто так, это выпало бы из канвы происходящего. Так сказал я себе, делая шаг к ослепительному portalу. Но в тот момент, когда я готов был шагнуть в него, когда я уже

поднимал ногу и внутри меня все непроизвольно сжалось, – в этот самый миг портал погас, обратившись вновь кирпичной стеной, а за спиной у меня раздался безумный, с привизгиванием хохот Низового Художника...

– Шутка... Эй, курьер, это шутка, я пошутил, парень... Ха-ха! Боже, какие же вы, люди, тупые создания! Вы же просто бездумное, послушное стадо! – Ниху перестал хохотать и теперь говорил на повышенных тонах, демонстрируя легендарное безумие Низового Художника, который рисует будущее и питается крысами и невезучими людьми, забредшими в его промозглое царство. – И кто вы после этого, а? Кто вы такие, чтоб запрещать мне подниматься наружу? Вы даже не достойны имени сапиенсов, ублюдки, вы были и остались эректусами. Это все, чего вы добились за века эволюции, – громким шепотом закончил Ниху.

Я растерянно оглянулся на Монгола, потому что смотреть на Ниху было страшно. Но Монгол смотрел куда-то в пространство пустыми глазами, и мне вдруг показалось, что я не узнаю его. Да, это был Монгол, это были его дреды, его лицо, его привычка сутулиться... Но, это уже не было Монголом...

– Что ты на него смотришь? – прямо над моим левым плечом прошептал Ниху (я не услышал своим тренированным курьерским ухом, как он приблизился). – Ты, наверное, надеешься, что он тебя выручит, даст верный совет, объяснит... да, курьер? Ха-ха, да?

Я молчал, чувствуя, как деревенеет мое тело. А Низовой Художник обошел меня, подошел к Монголу и провел рукой на фоне его груди. И тогда там, где прошла бледная ладонь Ниху, тела Монгола не стало. Словно его стерли со школьной доски куском пропитанной водой губки. Не было ни крови, ничего такого. Это было абсолютно нереально и в тоже время совершенно естественно. Ниху провел рукой еще раз... Пропала еще часть тела Монгола, и его ноги теперь стояли на земле, а торс, отделенный пустотой, сквозь которую был виден склизкий кирпич стен, начал, клонясь, отплывать в сторону.

– Не надо, – произнес вдруг бледными губами совершенно без интонации Монгол, – пожалуйста, не надо...

Из уголка его рта начала медленно, с ленивой неторопливостью, струиться струйка ярко-красного цвета...

– Молчать, – визгливо крикнул Ниху, – тебя нет! Ты забыл, забыл, забыл?! Нету! Ты сдох два года назад, тебя пристрелили! А я нарисовал тебя снова! Я! И в благодарность ты привел ко мне этого?!.. Ты же знаешь все, знаешь! У него в кармане, да?! И ты знаешь, знаешь, знаешь, что он сейчас сделает! Он сделает мне больно, такие, как он, всегда приходят и делают мне больно!

В голосе Ниху слышались плаксивые нотки, и он начал медленно оборачиваться в мою сторону. Он уже начал поднимать руку, и я действительно увидел в его ладони мокрую губку, испачканную в краске... И тогда я начал двигаться. Мое тело начало двигаться. Моя рука пошла навстречу его руке. И «макар», уже заряженный «макар» тяжело рывкнул в пустоте подвального склепа, превратив кисть художника в лохмотья. Ниху завизжал, отскакивая, и бросил в меня кистью. Яркая полоса кислотно-желтого цвета разделила комнату на две неравные части, и там, куда падала краска, кирпич начинал дымиться. Время превратилось в вязкое желе, и кисть летела очень медленно, и дым от кирпичей поднимался очень медленно... И я успел заметить, как из рассеченного тела Монгола хлынула кровь, а Ниху опустился на колени и, стремительно обрастая жесткой серой щетиной, побежал, припадая на правую лапу, к лестнице. И я подумал тогда: как хорошо, что он кинул кисть левой рукой и промахнулся. Она прошла в нескольких сантиметрах левее моего плеча, пронзила стену и исчезла...

Я развернулся и выскочил через одну из двух дверей. За ней оказалась еще одна дверь, а за той в свою очередь еще одна, и я решил, что все, попался, но потом вдруг выскочил в коридор. Прижавшись боком к ржавому железу двери, я согнулся пополам и долго блевал, не в

силах остановиться. Потом, когда мне полегчало, я вытянул из кармана пачку, прикусил фильтр сигареты зубами и поднес дрожащими пальцами зажигалку. Прикурить удалось не сразу...

Если верить часам на экране моего мобильного, я проплутал в катакомбах чуть больше суток. Это было истинное Подмоскovie, неведомое бедолагам, что топчут мостовые города над ним.

Трижды я находил места, где можно было подняться наверх, но каждый раз, добравшись до тяжелого блина канализационного люка, чувствовал слабый, но все же ощутимый запах аммиака и керосина... Через несколько часов после встречи с Ниху я вскрыл пакет «НЗ» и обнаружил в нем галеты, тубик томатной пасты, плоскую флягу с кокой и два туго набитых косяка. Я так думаю, по логике Монгола сперва следовало одуплиться, потом кинуть «свину» еду и прополоскать высохшую пасть колой. Подумав об этом, я невольно улыбнулся. Есть не хотелось, но я затолкал в себя и галеты, и пасту, а косяки бросил на пол и растоптал... Я и без того чувствовал себя как-то странно... Словно наблюдал за героем старой компьютерной игрушки, бегущим по лабиринту. Что-то в этой игре подвисло, у героя кончились все бомбы, он уничтожил всех монстров и собрал все сундучки и монетки, но дверь так и не открылась, и он все бегал и бегал по лабиринту. Бесконечно... Курить не стоило, мой мир и без того походил на бэд-трип...

Спустя часа три-четыре я вновь увидел Монгола. Он, совершенно голый, сидел на корточках у стены и пожирал дохлую крысу. Нижняя челюсть и грудь его были испачканы в крови, на животе ярко выделялся страшный, белесый шрам толщиной в палец...

– Монгол, – осторожно позвал я его, и он поднял глаза, но, видимо не узнав меня, отскочил на несколько шагов и злобно заворчал... Я замер, не зная, как поступить.

А потом откуда-то донесся звук гаммельнской дудки, Монгол страшно, невыносимо тоскливо завыл и медленно, припадая на левую ногу, поплелся прочь. Я развернулся и бежал около часа... Потом мой мобильник стал подавать сигналы о том, что садится аккумулятор...

Наконец я вышел к очередной двери. Она была чуть приоткрыта, и в щель сочился неясный свет сумерек... На улице был вечер. Я долго приноживался, потом передернул затвор «макара» и осторожно выглянул...

Это был двор между опустевшими и частично уже разрушенными корпусами общаги на Соколе. Раньше здесь жили художники, потом вьетнамцы, потом вьетнамские художники, потом что-то случилось, район оцепили милицейскими маркерами, и по городу пошла легенда о Низовом Художнике и его пире... Великий русский профанатор от литературы Владимир Набокин написал об этом книгу, так и назвав ее: «Пир». Говорят, тогда мало кто выжил. Я своими глазами видел, как вывозили на свалку за МКАД канистры с погибшими маркерами. А вьетнамских художников хоронили в заколоченных гробах.

Теперь в этих общагах живет странная секта полубомжей-полумонахов. Они все время пьют и все время молятся. Кому – я не знаю. Известно, что они по-прежнему периодически пропадают. Иногда трупы с перекушенными глотками находят на окраинах города у канализационных люков. Иногда у того, что находят, отсутствует не только горло, но и многие другие части тела. Пару лет назад вокруг этого поднялся шум и в катакомбы отправили солдат. Но они никого не нашли, а у них самих, по слухам, на следующий же день обнаружили гонорею. Теперь об этом не вспоминают. Еще одна страшная деталь страшной обыденности, только и всего... Впрочем, обыденность страшной не бывает. Став обыденным, явление утрачивает всю экспрессивность и становится просто событием.

Я огляделся. Стены грязного желтого цвета, простреленные темными квадратами окон, подпирали сумеречное небо у меня над головой. Небо тоже было грязного желтого цвета. И низкие облака тоже. И даже луна на небе желтела и морщижилась грязными пятнами.

Стены корпусов были покрыты зеленым мхом, какой часто прорастает в таких заброшенных местах. Этот мох мог представлять опасность: попав на открытую рану, он вызывал необратимые мутации тканей. Говорят, монахи курили его.

Я постоял, осматриваясь. На одной из стен кто-то вывел флюоресцирующей краской «Гумберт-Гумберт». А чуть ниже «дмб 20...», а дальше на стене темнело бурое пятно. Возможно, писавшему выстрелили в затылок, подумал я и стремительно оглянулся. Тихо... Я был в этом жутком дворе один. Но откуда-то из полуразрушенных корпусов общаги за мной наблюдали. Чтобы понять это, не требовалось особого чутья. Достаточно было поглядеть перед собой и заметить, как по стене метнулся тонкий красный луч, а потом я перестал его видеть, скорее всего потому, что он переместился на мой затылок... Я прыгнул вперед, туда, где обросшие мхом бетонные плиты могли укрыть меня от снайперской пули. Осколки кирпича больно врезались в мои локти, а чуть дальше взорвался кусок бетонной плиты, и меня осыпало крошками. Я снова куда-то прыгнул, куда-то упал, обо что-то ударился головой, теряя сознание, вскочил, и тут же мое плечо со спины рванула дикая боль, а самого меня сильно толкнуло вперед, на мшистую поверхность. Но я не помню, упал или нет. Скорее всего – да...

3

Лето ворвалось в город как-то сразу, никого ни о чем не спрашивая, никого ни о чем не предупреждая. Просто вялая полуосенняя зелень апреля-мая за несколько дней набрала силу, заполонила мир вокруг Больницы и даже успела покрыться первой городской пылью июня. Я наблюдал за этим из окна моей палаты и старательно пропитывался этим хорошо забытым, старым, детским, оладьевым запахом преющего асфальта. Где-то там, чуть дальше, за монолитом соседнего корпуса гроыхала многосуставчатая автотрасса, но не беспокоя и не нарушая тишины, а так, фоном, умиротворенно. Как музыка джаз.

В небольшом больничном дворике, зажатом между корпусами, словно футуристический цирк без гладиаторов, гулял Немой. Немой не был похож на гладиатора. Он был худой, сутулый и смешной. Гладиаторы могли быть, наверное, и худыми, и сутулыми, но только не смешными, в этом я уверен на сто процентов. Немой бродил вокруг Странного Памятника, листал журнал, пару раз смешно споткнулся и погрозил кому-то в пространство кулаком. Я точно знал, что этот журнал – «ГЕО» трехгодичной давности. Потому что Немой всегда ходит гулять вокруг памятника с этим журналом. Вот уже три года. Немого нашли там же, где и меня, около корпусов общежития на Соколе. Он был страшно изуродован, и никто из врачебного персонала не верил в его выздоровление. Но Немой выжил, только стал худым, сутулым и... смешным. Что-то переклинило у него в голове.

О памятнике. Он занимал мое воображение тогда, и теперь я порой к нему возвращаюсь. Без каких-то особенно насыщенных эмоциями чувств, лишь как к загадке, не сыгравшей особой роли в моей судьбе, а просто имевшей место быть. Как тот забор у Довлатова... Есть там такой момент, когда умирающий рассказывает, кажется, сыну, что теперь, перед смертью, жалеет лишь об одном: в детстве он ходил в школу мимо забора и всегда мечтал узнать, что же за ним находится; и вот теперь жалел, что так и не узнал; а больше и жалеть было не о чем. Так же я, наверное, буду вспоминать перед смертью Странный Памятник и жалеть, что так и не смог разгадать его тайну. Тайну, которая не сыграла в моей жизни никакой роли...

Это был гипсовый пионер-трубач, вкопанный по колени в землю. Никакого постамента. Только на флажке от трубы надпись «13-ой жертве». Я долго расспрашивал местных завсегда-таев и врачей, но никто никогда не слышал ни о тринадцатой жертве, ни о том, почему памятник вкопан в землю. Памятник, кстати, был большой: даже вкопанный, выше меня на пару голов... Один молодой интерн высказал предположение, что, возможно, постамент и существует – там, под землей, и если раскопать, то можно будет прочесть на нем все о тринадцатой

жертве. Но копать не хотелось. Вообще, желания как таковые отступили в эти дни на второй план, и я наслаждался спокойным существованием, ленью и обществом Немого.

Немой опять споткнулся, и я отошел от окна. В принципе я был здоров, за мной просто наблюдали.

Стреляли в меня монахи. Зачем и почему, не знаю, скорее всего им просто хотелось есть. По той же причине, видимо, они когда-то напали и на Немого, но мне повезло чуть больше. Федеральный наряд из воинского оцепления услышал звук выстрела. Мне повезло, что это были не милиционеры и не маркеры. Первые стараются быть подальше от тех мест, где стреляют. Хотя они и являются стражами правопорядка, но того правопорядка, который установили сами (помните расту-перкуссиониста?). И им вовсе не обязательно подставлять под пули собственную шкуру там, где этот правопорядок не работает. «У нас своя свадьба, у вас своя» (кинофильм «Поднятая целина»).

А что касается маркеров, то они выудили бы всю информацию обо мне и без труда сопоставили мои отпечатки пальцев с отпечатками разыскиваемого мотоциклиста. Для них это рутинная работа.

Солдаты же просто переправили меня в Больницу и забыли обо мне.

Зато отныне я представлял некоторый интерес для медицинской науки. Там, во дворе общаги, я упал простреленным плечом на серый мох, его споры попали в кровь, и плечо, скажем так, видоизменилось. Ткани и кости в этом месте мутировали. Никто, правда, не мог сказать, почему мутация не распространилась на все тело. Потому меня и наблюдали, ждали развития процесса или регресса. Ни тот, ни другой не наступали, а я не возражал. Главное, что никто не спрашивал у меня документов и не пытался узнать, кто я такой, – я же был экстренно доставленный. А когда все-таки спрашивали, я «не помнил». Амнезия. Головой о бетон, и все дела. Кстати, головой я действительно приложился весьма ощутимо, но ко времени летнего пылестояния шишка уже рассосалась, а синяки сначала покраснели, потом стали бледно-желтыми и наконец вовсе исчезли. Остался только неровный шрам: падая, я проехал лицом по острому пруту арматуры, благо вскользь. Так что меня все устраивало. Единственным, что омрачало пребывание в Больнице, было тотальное безделье (хотя и не такое жуткое, как в квартире Монгола).

Я прошелся по палате, поторчал у зеркала, разглядывая серо-зеленое роговое образование у себя на плече. Как наплечник у гладиатора. Солидно и совсем не смешно. Мне нравилось. Но когда я был одет, это выглядело не так приятно – как будто меня прочно перекосило. Квазимодо. А если добавить неровный шрам через все лицо, оставленный во время моего падения прутком арматуры, – картинка идеальная. Можно в комиксы. Или в электрички – милостыню просить. Тоже хлеб, в общем-то...

Я натянул полосатую рубашу, проверил «макар» под мышкой... Висел пока прочно. Я не стал париться и пару дней назад присобачил его пластырем. Вроде бы не особенно заметно... Только пластырь надо периодически менять: отклеивается, скатывается в трубочку... Ни почесаться, ни рубашки на людях снять. В принципе никакой необходимости в волыне тут, в Больнице, не было, и я поступил так только из-за пропитавшего мою курьерскую кровь убеждения в том, что береженого Бог бережет.

Выбил из пачки три сигареты – одну себе и парочку Немому – и поплелся вниз. В такой день в палате торчать не хотелось. А узнать меня вряд ли кто-нибудь сможет – перекошенного, в пижаме, да еще с таким брутальным украшением на роже. Шрам, правда, предлагали убрать, но я отказался. Пусть будет. Пока.

Говорят, ближе к лету Больница вымирает. Трудно сказать, я ведь первый раз попал сюда, и как раз ближе к лету. А до того, когда получал периодически травмы различной тяжести (работа такая... была), лечили меня врачи Конторы. Было там и стационарное отделение для особо тяжелых случаев, типа пули в лоб или аппендицита.

Блуждание по второму больничному корпусу (корпус экстренных, привезенных) стабильно навевало мне ассоциации с древним совковым фильмом «Посредник». То же ощущение пустоты, потерявшегося эха, нечеткости красок, едва ли не черно-белой пленки... Ощущение пустого пространства, которое ни с чем не перепутать. В целом, на меня это не особенно давило, просто не нравилось. К тому же я иногда начинал вспоминать сутки, проведенные в катакомбах, Нику и Монгола. А это не самые приятные воспоминания.

Я пересек коридор, вышел через стеклянные двери и, перепрыгивая через две-три ступеньки, побежал вниз по лестнице. Не останавливаясь, промчался мимо насмешившей меня в свое время площадки между третьим и вторым этажом (на стене, одна над другой, две таблички: «Не курить» и «Окурки бросать в урну»). Потом перешел на шаг и стеклянную будку со злобещей надписью через трафарет: «Военизированная охрана. Пост № 166/9» миновал не торопясь, как и положено больному. В будке сидела полненькая бабулька божий одуванчик и вязала шерстяной носок.

– Баб Валь, – доложил я, – пойду погуляю часок.

– Иди сынок, погода в самый раз, – ответила, улыбаясь, грозная военизированная охранница, – только к обходу возвращайся.

– Будет сделано, баб Валь.

Яркое ветреное утро рванулось мне навстречу квадратом распахнутой уличной двери, и я оказался в ограниченном каменными больничными корпусами пространстве.

Немой обернулся и, издав что-то вроде «Ыыма» (так он произносил имя Рома), помахал мне рукой и заковылял навстречу. Я помахал в ответ.

Вдоль дальнего корпуса в тенечке гуляли двое знакомых пожилых врачей. Они что-то увлеченно обсуждали, при этом один то и дело взмахивал рукой и громко произносил странную фразу: «Ресурс антител не влияет на статичность метастазы», а второй ему отвечал с тем же пылом: «Но не стоит забывать, коллега, про... про... коллега, не стоит, знаете ли...» В общем, два больных на всю голову и по-настоящему счастливых человека. Трогательная картинка, особенно в наше циничное время. Впрочем, при чем тут время? Такие вот старички сидели в каких-нибудь гулагах и зеленлагах и с таким же пылом обсуждали свои метастазы и диффузии около печек-буржук. Кое на что, слава богу, времена и нравы не влияют. Меня это как-то успокаивает...

– Ыыма, – сказал Немой, когда я подошел к памятнику, – ай ыыээ-эмуу, ааууааа...

– Держи, – сказал я, протягивая Немому сигареты, – бери обе, это я тебе вынес. Только у меня зажигалка кончилась.

Это только поначалу кажется, что понять Немого невозможно. На самом деле он вовсе не был немым, просто там, во дворе общежития, ему сначала прострелили ногу, а потом саданули тесаком по горлу. Провалился он слишком долго, так что мох попал на гортань. Слизистая для мха, конечно, не так благоприятна, как открытая рана, но и она на безрыбье покатит. В общем, при желании Немого не так уж трудно понять. Но понять, как при всем том он умудрился выжить, я не могу.

– У ыа э, – улыбнулся Немой, добывая из кармана рубашки дешевую китайскую зажигалку. Мы закурили. Мне дико хотелось скинуть рубашку и подставить плечи под это первое настоящее солнце, сыпавшееся на землю не только светом, но и теплом своих лучей. Но «макар» под мышкой портил весь коленкор. Так что я просто сидел и молча курил, щурясь на ослепительное небо, многократно размноженное стеклами окон. Солнце плавало эти стекла в жидкое золото и сушило маслянистые лужи на асфальте.

– Как дела, Немой? – спросил я.

– Аао, – ответил Немой и показал мне большой палец. Потом протянул журнал и, весело кивая, повторил, – аао...

– Да, хорошо, – согласился я. Вмял окурочок подошвой больничного тапка в песок и огляделся.

– Оа ооы, – сказал Немой.

– Да, я в курсе насчет обхода. Сейчас пойду...

– Не ходи, – вдруг четко произнес Немой, не отводя глаз от журнальной страницы. На фотографии огромный белый медведь тащил на спине медвежонка...

– Что? – опешил я.

– Не ходи. Просто посиди еще, – Немой поднял руку и посмотрел на часы, – еще семь минут.

– Ты... не Немой?

– Аа зооы, – ответил Немой, поднимая глаза и придурковато улыбаясь, – ааа...

Показалось, догадался я. Просто показалось, очередной глюк. Врачи напичкали меня чем-то... А может...

– Ты... мне показалось, что ты только что говорил, – сказал я Немому, – прости. Ладно, я двинул.

– Тебе же сказали, посиди еще.

На этот раз я увидел, что губы Немого не двигались, но вот в лице что-то изменилось. Такое выражение бывает у маленьких детей, когда их одних оставляют в темной комнате. Страх, непонимание... Но главное все-таки страх.

– Моо ээоо, – промычал Немой...

– Кто ты? – спросил я.

– Да тебе какая... кто я такой? Просто сиди на месте, если жить хочешь.

В этот момент Немой вскочил и сделал пару неуверенных шагов, потом остановился, схватился руками за голову и начал стонать... Сначала тихо, и это было похоже на собачий скулеж, а потом все громче и громче, пока стенания не превратились в вой. Он то слегка приседал, то распрямлялся. Делал несколько быстрых шагов, как будто пытаясь бежать, а потом, нетвердо ступая, возвращался. Спустя несколько секунд этого жутковатого воя к нему подскочили два старичка-доктора, взяли под руки и, что-то тихо и убедительно говоря, увели в сторону дальнего корпуса, откуда уже спешила команда дюжих санитаров в халатах с закатанными рукавами...

А я стоял на том же месте, бездумно глядя в пространство. Никаких мыслей, чувств и прочего. Во мне словно что-то замерло, как будто вышибло предохранитель... Немого увели, двор опустел. За дальним корпусом коротко рывкнул недовольный автомобильный клаксон, и снова все стихло, только гулко стучало мое сердце и солнце начало заволакивать набежавшим облаком...

А потом что-то протяжно ухнуло, и сверху посыпались осколки, щепки, еще что-то... А из окна моей палаты вырвалось черно-красное пламя.

«Стандартная Ф-1, – подумал я, все так же спокойно, – в маленьком помещении срабатывает идеально...»

– ...Ыма...

Я резко вскинул голову и понял, что задремал прямо там, во дворике, прислонившись плечом к ноге памятника... Задремал буквально на мгновение, но этого мгновения хватило, чтоб увидеть красочный и пробирающий до печенок кошмар...

– Ыма... ыаза, – Немой тряс меня за плечо и кивал на сигарету, – ээии...

– Что? А... сигарета тлеет... – Я с трудом заставил себя встать, пригладил волосы, и они оказались горячими. – Ничего страшного, у меня там еще есть. Много. Я водителю прачечной деньги дал, он мне блок привез.

– Оооээ...

– Да, блок. Так что в ближайшее время нам не светит беречь здоровье.

Немой улыбнулся и часто-часто закивал. За дальним корпусом недовольно рявкнул автомобильный клаксон, и снова стало тихо. Я невольно поднял глаза и посмотрел на окно своей палаты. В этот момент одна из его створок приоткрылась, и наружу показался массивный торс сестры-хозяйки, властной особы с великолепными черными усами над верхней губой и привычкой говорить: «Ну, что еще кто?» Вяло чертыхаясь, она забралась коленями на подоконник и принялась водить тряпкой по стеклу. Стекло тотчас засияло маслянистыми, красно-синими разводами.

– Аа ыы аааэээууу, – мечтательно сказал Немой и снова улыбнулся.

– Да, – согласился я, – на речку бы не помешало.

– Оа ааыыээ...

– Это в Москве речки грязные, а в Подмоскowie можно найти нормальные места. – Я втоптал окурок в песок подошвой больничного тапка и поднялся. – Ладно, пойду я потихоньку. Обход скоро...

– А оом ыыыеее?

– Да потом, наверное, выйду. Если не сморит. Спать охота весь день.

– Эо ааээыы...

– Я понимаю, что таблетки. Ладно, пошел я. Не скучай тут.

Я развернулся и пошел, и почти дошел до дверей корпуса, когда Немой окликнул меня:

– Ыыма...

Что-то неясное перевернулось у меня под ребрами. Я медленно повернулся, готовый к тому, что мой краткий сон-кошмар обратится явью...

– Ыыма, – улыбнулся Немой, – ыыы ыаэээуу...

– А... да, – кивнул я, делая шаг в дверной проем, – конечно, я принесу сигарету...

Конечно...

Через пару дней я уехал из Больницы, оставив Немому оставшиеся восемь пачек сигарет и пообещав навещать иногда. Но больше мы не встретились. Так уж сложилось, что побывать в больничном двореке мне пришлось несколькими месяцами спустя, но Немого тут уже не было. Да и самой Больницы тоже. А вот памятник стоял как ни в чем не бывало.

III

1

Впрочем, правильнее будет сказать, что меня из больницы забрали. Я вышел через проходную, нацепил солнцезащитные очки и неторопливо пошел к автостоянке. Монголовский «Инде́нт» одиноко маячил красными бортами. Других машин на стоянке не было.

– Йоу, нига Рома! – Монгол вывалился из машины, сверкая зеркалами таких же, как у меня, очков. – Ты выглядишь лучше, чем я ожидал. Я думал, еду забирать из больницы ходячий труп, хеллрейзера, который не потеет, все дела. А мне подсунули качка. Только ты слегка перекачал одно плечо, брат... И, кажется, уснул на паяльнике...

– Пошел ты, – усмехнулся я, залезая в машину.

– Только после тебя, нига, – ответил Монгол, быстро поправил на хрен не нужные в такую погоду «дворники» и сел за руль.

– Как ты, брат? Болит? – Монгол кивнул на мое плечо.

– Да нет. Оно и не болело почти. Ты-то как?

– Да... нормально, в общем, очухался. Когда меня крысоловы нашли, было хуже... Живот иногда болит, а так нормально...

– Рад за тебя... А вот зачем ты меня тогда подставил, я так и не понял. Может, хоть теперь скажешь?

Монгол завел машину и, высунув голову в окно, стал выворачивать задним ходом со стоянки. Я смотрел сквозь прозрачную зеленую полосу вдоль верхнего края лобовухи на перевалившее через горизонт размытое око солнца. Привычный тяжеловес-дирижабль завис где-то в стороне станции метро «Тульская». Надпись на его брюхе гласила: «Шевцов, сука, я тебя достану». То ли реклама пива, то ли и правда угроза. Частные объявления такого рода в последнее время стали очень популярны. «Инде́нт» выкатился на проезжую часть, Монгол втянул голову в салон.

– Вряд ли ты сможешь мне поверить, брат, – сказал Монгол, хотя я и не ждал от него никаких объяснений, кинул вопрос так, в пустоту, – ты просто не готов понять всего, а кое-чего не знаешь. Но я не подставлял тебя, я пытался... кое-что исправить. Причем уже не первый раз. Я тебе больше скажу: с каждым разом я как будто ближе к цели, но, нига Рома, но... Я надеялся, что ты убережешь Ниху. Видишь ли, есть условия, я не могу тебе о них пока сказать, но ты все равно узнаешь, клянусь. Так вот, есть условия, из-за которых, кроме тебя, никто не мог этого сделать. Правда, на этот раз и ты не смог.

– Что значит «на этот раз»?

– Если я тебе скажу, брат, что ты уже не раз стрелял в Ниху, ты мневеришь?

– Нет.

– Тогда мне нечего тебе сказать. Да и не в Ниху дело, Ниху так, одна из деталей. Хотя, согласишься, весьма колоритная. Но, понимаешь... это ведь дерьмово – жить, осознавая себя старой магнитофонной записью.

– Почему магнитофонной?

– Потому что нас могут в любой момент стереть в задницу. Меня. И тебя, между прочим. Не только и не столько Ниху, так-то, брат. Прости, остального я тебе не стану объяснять сейчас. Но... скажи, Ром, тебе никогда не казалось, что мы живем в странном, нелогичном каком-то мире?

– Я уверен в этом, ну и что?

– Да нет... Когда-нибудь я тебе расскажу, как обстоят дела на самом деле. А может, ты сам все поймешь. Но пока еще рано. Давай поговорим о твоём деле?

– Давай. – За время вынужденных больничных каникул я совершенно забыл, что у меня есть какие-то проблемы и их надо решать. Если честно, мне куда интереснее было услышать то, что Монгол оставил недосказанным. Но я не стал настаивать. Работая курьером, привыкаешь подавлять любопытство.

– Короче. В кабинете у того жмурика... прости, у того парня, твоего приятеля, висела скрытая камера, она все зафиксировала, так что тут ты чистый. Могут наехать за то, что ты не сообщил, есть такая статейка, но... На самом деле это ерунда, отмажем тебя без проблем. А вот с лавиной «Юности» дело обстоит хуже, тут могут возникнуть сложности. Они пытаются повесить на тебя обрушение стены, а значит, и косвенную вину в десяти смертях. Угнанный мотоцикл опять же... На самом-то деле все это шито белыми нитками. Рано или поздно станет понятно, что вместо правды народу скармливали утку, и я уже кое-что предпринял, газетчики начали рыть землю. Но нужно время, так что даже хорошо, что ты провалялся в Больнице. Это очень хорошо, нига Рома. Если все получится, на тебе останется только мотоцикл. А это уже мелочи, что-нибудь придумаем. Так что поживешь пока в одном домике около МКАДа, полежишь на матрасах, как говорил один нига-сицилиец. Место надежное, зуб даю... Тебе понравится, в нем есть что-то... ну, не знаю, самурайское, что ли... Как в тебе.

– Какое?

– Ну, не знаю, как объяснить... индифферентность какая-то. Самое главное, что там хорошо и тебя никто не побеспокоит. А я сделаю все как положено, и на этот раз без осечек. Их и не было, но ты не поверишь. Кстати, я снял деньги по твоей доверенности...

– Ты их, главное, отработай.

– Угу. Если успею...

– То есть если успеешь?

– Да я это о своем, нига Рома, тебе теперь волноваться больше не о чем...

«Индент» выскочил на переполненную Варшавку. Автомобильный поток мозаичным конвейером перся по проспекту, полностью игнорируя светофоры. Над Варшавкой подпирал небо крутыми боками рекламный дирижабль – теперь на нем была изображена бутылка с надписью «Shewtsoff»...

Если верить Тай-Мину, будущего нет. Есть бесконечность настоящего и, наверное, память. В принципе верно. Но настоящее неоднородно, оно делится на частные и общие моменты. Это уже не Тай-Мин, это я. Общие моменты – как подкованный сапог. Ты можешь ступать мягко, как кошка, или топтать по мостовым судьбы, как рота солдат. Это ничего не изменит, ты все равно оставишь следы, чуть более явные или чуть менее заметные, но оставишь. Эти следы и есть общие моменты. А частные – это так, это не особенно важно. Другое дело, что храм по кирпичику строится, и желтая дорога, кстати, тоже.

Ну, да я не про то хотел сказать. В тот день, точнее, в тот момент я вдруг начал осознавать, что за все это странное время практически не делал бэкапов. Собственно, с тех пор, как Тварь прикончила Черчилля, я находился в зоне частных моментов. Я вырывал и обмусоливал кусочки происходившего, разглядывал the elements of puzzle по отдельности. Но ни разу не попытался соединить все вместе и увидеть картину в целом. Вообще-то это в моем характере, я и дальше мог бы продолжать в том же духе. Мне как-то предпочтительнее видеть несколько пусть и серьезных неприятностей, нежели осознать, что, по сути, я уже вторгся в цикличную зону глобального аутодафе, и пора бы с этим что-то делать. Другими словами, я предпочитаю решать проблемы по мере их появления, не особенно парясь над предпосылками и предпосылками предпосылок. Но тогда, в машине, медленно ползущей по Варшавке, я запросто, между делом осознал если и не всю картину, то большую часть пазла.

У меня нет Черчилля.
Меня уволили с работы.
За мной охотятся пэпээсные маркеры.
Вокруг меня творятся странные вещи.
Я совершенно ничего не понимаю.
Я практически бессилен что-либо изменить.

И самое главное – я не понимаю, какого хрена все это происходит именно со мной. Только из-за того, что я нарушил правила дорожного движения, спасая собственную жизнь? Да не смешите мои стареющие кеды, так не бывает. Я брюхом чувствовал, что все куда как сложнее. Вот и Монгол своими недомолвками только подтверждал эти смутные догадки. По всей видимости, я с этими частными моментами вторгся в зону моментов общих. Только, боюсь, зона эта контролируется кем-то другим. Или чем-то другим. И «кому-то» или «чему-то» выгодно, чтоб вся эта ерунда крутилась вокруг меня. Хотелось сказать – именно вокруг меня, но подумалось: вполне может стать, что я – персонаж случайный и на моем месте мог оказаться кто угодно. «Напьешься – будешь» (не менее одиозный фильм советской эпохи «Бриллиантовая рука»).

В целом безрадостно, сделал вывод я и решил подумать об этом завтра. Даже дурочка О'Хара была способна на мудрые поступки.

Я ведь в ту минуту еще не знал, кто этот третий, что он уже ступает кованым сапогом по улицам города и что частные моменты уже стали складываться в общие, шрамируя цедру судьбы беспорядочным узором неотвратимых событий. Так бывает... Собственно, только так и бывает, потому и говорят: «Хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах».

– А вот скажи мне, нига Рома, – окликнул меня Монгол, когда мы свернули с Варшавки в лабиринт узких индустриальных улочек и переулков, – ты никогда не думал про то, что всего этого нет? Или, скажем так, есть, конечно, но... иначе.

– Занятно, – ответил я, – примерно об этом я как раз и думал минуту назад. И еще об Тай-Мине. Хотя... смотря что ты имеешь в виду. И... это продолжение того разговора о нелогичности и прочей байде в этом духе?

– Да, продолжение. Вот смотри: я умер два года назад, меня сначала пристрелили, а потом сожрали крысы. Я все четко помню и осознаю. Но я везу тебя по Москве, в бардачке стоит холодное пиво, и все это не кажется нам странным. Что скажешь, курьер?

– Скажу, что про пиво ты напрасно молчал, – ответил я, выуживая из бардачка мгновенно запотевшую банку «Sheutsoff», – и еще добавлю, что я уже не курьер. А про остальное... Что изменит наше мнение, Монгол? Все обстоит так, как должно, и если нам кажется, что это неправильно, то мы стопроцентно ошибаемся. Иногда лучше и даже правильно, чтобы все было иначе, но тут действует иной принцип. Правильно или не правильно – это все херня. Это такие материи, которые изобрел сам человек для оправдания тех или иных своих поступков или бездействия. На самом деле все обстоит так, как обстоит. Вот и все. Это единственное правило. Можно, конечно, еще подрочить мозги, но это бессмысленно. Лучший вариант – не париться совсем. Потому что, знаешь, даже если свернуть мозги на этом деле, даже если стать пускающим слюни идиотом, все равно будет так, как есть. То уже идиот, а ничего не изменилось. Понимаешь?

– А если я скажу тебе, что обо всем произошедшем со мной я, скажем так, знал заранее?

– Тогда я тебе не поверю. Хотя... В твоём случае некоторые законы не срабатывают.

– В том-то и дело, нига Рома, в том-то и дело. А вот, скажем, если бы ты знал, что несвободен в своих поступках и решениях, но у тебя есть шанс вырваться из-под контроля? Ты бы попытался?

– Не знаю. – Я пожал плечами и сделал большой глоток. Пиво и правда было отменное. – Мы все так или иначе подконтрольны, все в какой-то мере не можем быть хозяевами

своих поступков. Работодатели, деньги, идиотские принципы, даже мораль. Против всего не попрешь.

– Я немного о другом, брат. Я о том, что если бы ты узнал, что кто-то за тебя все решил, все за тебя написал и никаких вариантов тебе не оставил?

Я удивленно посмотрел на Монгола:

– Ты не о Боге ли заговорил, брат мой дредлтый?

– Нет. В том-то и дело, что нет. Практически о таком же, как ты и я, человеке.

– Тогда я постарался бы найти этого парня и...

– А если его нельзя найти или невозможно достать?

– Такого не бывает. Любого человека можно найти и достать.

– Ну а если, нига Рома, скажи мне, если бы все-таки это было невозможно?

– Тогда я бы постарался действовать так, чтоб достать его, не находя. Попытался бы идти вопреки его планам.

– Во-от... Вот этим-то, брат, я и занимаюсь.

– Монгол, я тебя что-то не совсем понимаю. Ты ждешь от меня объяснений, а сам не хочешь ничего объяснять. Тебе не кажется, что это как минимум нечестно, а?

– Кажется. Но помнишь, я говорил тебе про условия? Так вот, я просто не могу тебе сейчас объяснить. Поверь мне. Рома, я бы хотел, очень хотел, потому что одному в поле приходится туго. Но не могу.

– Ну, тогда что ты хочешь от меня? У меня, как ты знаешь, и своих проблем выше крыши, а ты предлагаешь мне променад по минному полю, но не говоришь, где лежат мины, кто их поставил, и главное, на хрена. Ведь так?

Монгол кивнул, глядя на дорогу. Я отпил пива и полез в карман за сигаретами. Потом вспомнил, что оставил свои запасы Немому.

– Монгол, дай сигарету.

– На заднем сиденье, – ответил Монгол, качнув дредлатой головой, – там блок, это тебе на первое время. Будет лучше, если ты не будешь соваться на улицу. Буквально неделю-две. Там же, кстати, обувь. Подбирал на глаз, так что, может, промахнулся с размером. Они пропитаны кедровым маслом, и пару-тройку часов маркеры твой запах не смогут уловить... Это если тебе придется пройти по асфальту. Правда, там, куда мы едем, асфальта нет ни хрена. Но береженого Бог бережет.

– А там – это где? – спросил я, с чертыханиями роясь в грудe стандартных пакетов из супермаркета в надежде среди пластиковых тарелок с заварными супами, перетянутых сеткой батонов колбасы и одноразовых полотенец отрыть блок сигарет.

– Далеко, – ответил Монгол, – это далеко. А вообще – не телефонный разговор.

Именно в тот самый момент, когда Монгол произнес это свое «не телефонный разговор», я и нашарил под грудой пакетов странно знакомый предмет. Делать ему в этом месте и в этом времени было совершенно нечего, но я сдвинул руку чуть в сторону и нашарил еще один точно такой же. Монгол что-то говорил, что-то спрашивал, но я его не слышал. Однако когда я медленно обернулся, его лицо расплылось в довольной усмешке.

– Отрабатываю твои денежки, нига, – сказал он и вдавил прикуриватель.

Я медленно вытащил из-под пакетов два коротких японских меча-вакидзаси: красный и черный... Между ними полосой шелковой ленты был примотан блок сигарет «667». То, что это были именно те вакидзаси, рукояти которых мне забыть не суждено, я понял практически сразу, даже не успев разглядеть царапину на ножнах красного меча и три насечки на рукояти черного.

Бывает, что между человеком и какой-то вещью вдруг возникает прочная связь, что-то вроде дружбы, но на ином уровне. Особенно часто такое случается, когда человек долгое

время не расстается с этой вещью. В данном случае было почти то же самое, за тем только исключением, что эти мечи никогда мне не принадлежали. Но я так часто видел их рукоятки за плечами Черчилля... Я был уверен, что для меня эти клинки потеряны. Что они ушли туда же, куда отправился после смерти мой друг. Уж там-то он мог всласть поработать в нестандартной технике спаренных вакидзаси... Разумеется, меньше всего я ожидал откопать их в пакете из супермаркета привязанными к блоку сигарет «667».

– Как тебе удалось добыть их? – спросил я, и голос мой прозвучал ровно, как натянутое на бильярдном столе сукно.

– Ну, – Монгол пожал плечами, – в положении зомби есть свои плюсы... Там, кстати, еще конверт на твоё имя. Но прочти его, будь любезен, когда я свалю. Нига, ты просто не представляешь, как мне трудно было его не вскрыть... Мне его передал один знакомый слепой сторож.

– Слепой Сторож Пристани?

– О, да ты многое знаешь.

– Он видел Черчилля?

Теперь уже Монгол удивленно посмотрел на меня.

– Нига, что с тобой сделали в этой Больнице? С чего ты вдруг заинтересовался историей матушки Great Britain?

Я сидел, хлопая глазами, и не знал, что ответить. Клинки безусловно принадлежали моему Черчиллю, а значит, думал я, никто другой их передать не мог. Или мог? Или все-таки мог, черт побери?

– Так ты ничего не знаешь о Черчилле? – пробормотал я.

– Только из школьной программы и кинолент моей юности, а что?

– Нет, ничего. А письмо? От кого оно, Монгол?

– Понятия не имею, брат, честное слово. По всей видимости, от того же, кто передал клинки, а что?

– И тебе было все равно, кто их передал?

Монгол пожал плечами.

– Мне нужно было доставить тебе эти игрушки. Я знаю, что это важно. А от кого они – мне все равно.

Я не знаю, откуда у Черчилля появились эти вакидзаси. По крайней мере, именно таким он мне и встретился – с мечами за спиной и незажженной толстой кубинской сигарой в зубах. Иногда я называл его Черчилль-сан. В шутку.

Примерно тогда же мне достался олдовый советский «Макаров», желто-черный талмуд Тай-Мина и две капсулы с ядом, которые и теперь, наверное, зашиты в углы моей курьерской куртки. Стандартные фетиши профессиональных курьеров. Впрочем, куртка осталась в урне неподалеку от Маяка и теперь, наверное, сгорела на одной из многочисленных свалок, расположенных вокруг МКАДа. Собственно, из-за свалок Монгол и вез меня туда. Там, по всей внутренней стороне Московской кольцевой автодороги, теперь масса пустующих домов – пользуйся, не хочешь. Особенно ближе к июлю, когда свалки чадят особенно сильно.

Я курил, глядя на выраставшие из-за зубчатого московского горизонта дымы свалок, чувствовал тяжесть мечей на коленях и вспоминал...

Черчилль никогда не учил меня работать с мечами, в этом не было необходимости. Став частью меня, он отдал мне кое-какие знания автоматически. Но вот остались ли они при мне после смерти Черчилля? Слышать про такое мне не приходилось. Но вот руки – руки узнали рукоятки сразу...

2

Тем временем мы наконец подъехали к форпосту Монгола на границе цивилизации. Я ожидал увидеть заброшенную владельцами лачугу, покосившуюся и пропитанную запахом гари и разложений, который так и витал над этим местом. Он настырно проникал даже в машину с наглухо задраенными окнами, несмотря на деобрелки и прочие ароматизаторы. Когда я открыл дверь и вылез на улицу, мне показалось, что мое тело мгновенно облепила тонкая пленка нечистот, а легкие навеки забились смрадом.

– Запашок... – усмехнулся Монгол, – Родиной пахнет.

– Да, – согласился я, – весьма патриотично... Это он? – Я кивнул на стандартный двухэтажный коттедж, покрашенный в темно-зеленый цвет, с окнами, закрытыми ставнями. Не лачуга, какую я ожидал увидеть, а просто обычный домик, который, если б не тяжелые металлические ставни, вполне мог показаться уютным семейным гнездышком обычной социальной ячейки. Не исключено, что пару лет назад, пока экологические террористы не запалили веками скапливавшийся на границе МКАДа мусор, в результате чего город оказался в смердящем дымящемся кольце свалок, так оно и было. Коттедж стоял в глубине запущенного сада, так что из-за его густой зелени с дороги дома практически не было видно. Сад, в свою очередь, был обнесен высоким кирпичным забором с решетчатыми вставками. В общем, приятное местечко... если бы не запах, к которому, похоже, нереально привыкнуть.

– Он, – ответил Монгол. – Хорошее место, правда? А к запаху привыкаешь уже через пару часов.

– Ты читаешь мои мысли, – усмехнулся я и выбил из пачки еще одну сигарету. Не потому, что хотелось курить, а чтобы хоть что-то противопоставить жуткой вони. – Монгол, а хозяин нечаянно-негаданно не заявится?

– Заявится, – кивнул Монгол. – Уже заявился. Это мой дом, нига, расслабься. Купил его как-то по дешевке, когда местные разбегаться начали. Мне тогда надо было найти жилище для одной особы. Она искала спокойное место, чтоб отложить яйцо. Помнишь историю с носителями регрессивных генов? В то время их еще отстреливали, а не депортировали... Слушай, может, войдем в дом, а то я блевану сейчас, нига.

Мы прошли от гаража по выложенной желтым кирпичом тропинке, поднялись по уютно скрипящим ступеням крыльца. Монгол долго, матерясь и потея, возился с ключами: замков было пять, и ни один не поддавался. Когда дверь с не менее уютным и даже каким-то гостеприимным скрипом открылась, мы плечом к плечу, задевая косяки, влетели внутрь и быстро захлопнули ее за собой...

В доме пахло пылью и погасшим камином, и это был прекрасный запах.

– Устраивайся, – сказал Монгол, махнув рукой, – на какое-то время эта берлога станет твоим вторым домом... Здесь ты будешь жить, питаться и эволюционировать. Кстати, нига, а ты пакеты из машины не захватил?

– Нет...

– Понятно. Кто пойдет?

Не знаю, достался ли этот дом Монголу таким, каким я его увидел, или новый хозяин приложил руку к его обустройству. В последнем я сильно сомневаюсь. Слишком уж патриархально тут все было. Да и зачем Монголу обживать дом, который служил всего лишь перевалочной базой? Жить-то здесь он по-любому бы не стал. Не мог я представить его растаманские дреды в этой обывательской кунсткамере.

Я провел в этом укрытом в тени заброшенного сада среди дыма горящих свалок месте почти трое суток. Монгол снова бросил меня и уехал улаживать свои и мои дела. Но в отличие

от его квартирки в центре Москвы здесь я почти сразу почувствовал себя как дома. Даже в собственном обиталище (а если точнее – маленькой комнатке в коммуналке в самом начале улицы Народного Ополчения), я никогда не ощущал себя так комфортно. Моим домом, как ни абсурдно это может прозвучать, была дорога: поезда, маршрутки, попутные машины, реже самолеты (реже, потому что слишком ненадежны и опасны для груза). А теперь я как будто вернулся со всех полярных кругов вместе взятых и оказался там, где все, от нескладного камина до древних, еще совковых, гарнитура и кухонного стола, только и ждало моего возвращения. Никогда раньше не замечал за собой тягу к патриархальному уюту, к этакой обломовщине, теплой и простой, с ее неременной ленью и уютом. Однако факты штука упрямая. В этом брошенном хозяевами коттедже я снова нашел себя, но этот Я был мне мало знаком.

Мешало только одно: хотелось пройтись по саду, однако смрад и категорический запрет Монгола показываться на улице это исключали. Впрочем, я не особенно скучал.

На втором этаже обнаружилась небольшая, но приятная библиотечка томов этак на сто пятьдесят. Немного, но с огромным удовольствием покопавшись в ней, я выбрал потрепанный сборник Буковски в мягкой обложке. Этаким раритет канувшего в прошлое информационного обвала начала-середины девяностых, когда книги выпускали дерьмового качества, но люди радовались им как дети. Мягкая обложка, скверная полиграфия, масса опечаток... Как же я соскучился по этим осколкам моей никому не нужной юности, канувшей в прошлое вместе с родительскими подшивками Солженицына, Ахматовой, Гладиллина и моими первыми приобретениями с жалких студенческих стипендий: Толкиен, Пол Андерсон, Кен Кизи, тот же Буковски. Размышляя об этом, я спустился вниз, затопил камин (исключительно ради атмосферы), вытащил из холодильника сыр, вино, полбатона колбасы (просто переломил его пополам) и развалился на мягком ковре прямо на полу. Старый алкоголик, романтичный ублюдок в мягкой обложке ждал меня почти десять лет, и стоило уделить ему внимание.

Читал практически весь первый вечер, прервавшись только для того, чтобы сварить кофе. Потом, когда тощие и строгие, как английский консьерж, напольные часы (наверное, наследство бабушек-дедушек профессорских кровей, посмертно, разумеется, реабилитированных) показали половину первого ночи, встал и немного побродил по дому, разминая конечности. Обнаружил черно-белый телевизор, но включать не стал. Зато в тумбочке под ним нашел старую шахматную доску, разложил ее, расставил фигуры и сделал несколько ходов, начав черными. Спать не хотелось. Я вернулся вниз, допил бутылку у прогоревшего камина и только теперь вспомнил о странном конверте. Он так и лежал в кармане моей рубашки, сложенный вдвое...

Странно, но почему-то мне не хотелось его вскрывать. И хотя я не понимал, почему мне этого не хочется делать, все же долго, то есть по-настоящему долго, не меньше получаса просидел, глядя на конверт и борясь с желанием бросить его в камин прямо в красные зрачки дотлевающих углей. Часы мерно отсчитывали время, дважды нарушив тишину одиночными ударами и обозначив тем самым краткие в эту пору четверти часа.

А потом меня словно вдруг отпустило. Сошло наваждение. Я пожал плечами, надорвал конверт с краю и вытянул сложенный листок желтоватой бумаги. Не старой, а такой, какая бывает в гостиницах, свидетельствуя об их респектабельности.

За всю свою жизнь я не получил не одного письма. Зато сам доставил сотни конвертов. Сапожник без сапог. И вот я вскрыл конверт и держал перед собой первое письмо, которое предназначалось мне. Пока я его не открыл, я продолжал надеяться, что оно от Черчилля. Да потому что от кого же еще, черт возьми? Но теперь я знал точно, что получил письмо от кого-то Другого. И кажется, начинал догадываться, от кого именно.

От того, в чью зону общих моментов меня занесло, от того, кто раскрутил всю эту рулетку и запустил меня, как шарик, в надежде (или в уверенности), что я лягу в нужную лузу и он сорвет куш. Я правда не понимал, зачем ему было посылать это письмо, такое письмо. Чтобы

дать о себе знать? На хрена? Чтобы надавить на меня? Так куда уж дальше? Чтобы передать мне что-то? Но что?

А может, просто чтобы подшутить, просто так, без причины, потому что хочется?

Я вдруг замер, чувствуя, как бешено колотится мое сердце. И красные языки огня в камине начали скакать как-то особенно яростно, и тишина вдруг впервые за все это время сдавила виски. Я подумал (или угадал? – неважно), что, возможно, история началась не в тот момент, когда я выскочил на тротуар на своем мотоцикле, а за три месяца до этого. В прокуренном тамбуре поезда Тамбов-Москва. Тогда многое становилось более логичным. И хотя логика получалось странной, выбирать, похоже, не приходилось.

Пора рассказать кое-что о Твари. До поры до времени это была просто легенда, профессиональный фольклор курьеров. Подобные истории бытуют в любой мало-мальски связанной с риском области. У альпинистов есть белый альпинист, у спелеологов – Тень Тени, у авиаторов – гремлины, а у курьеров – Тварь. И каждый курьер, даже самый прожженный циник и скептик, в глубине души верит в ее существование. Я-то считал себя достаточно циничным, чтобы отмахиваться от всего этого бреда. И все же иногда какие-то сомнения возникали. То один, то другой курьер лишался дополнительного шанса без видимых причин, а ведь многие из них считались лучшими мастерами своего дела.

По легенде, Тварь ненавидела дополнительные шансы. Она находила их и уничтожала, но самих людей не трогала. Почему – никто не знал. Но поскольку курьерские организации практически полностью состояли из людей, владеющих дополнительными шансами, чаще всего именно на них и нападала Тварь. Это происходило всегда за границами Москвы – еще одна загадка, которую легенда не объясняла.

Короче, Тварь представляла собой обычный образчик профессионального фольклора. Вот только теперь мне было известно, что многие персонажи московских мифов существуют в действительности, а что касается Твари, то она сама не оставила мне поводов сомневаться в ее реальности. И если все так, как я думаю, если все началось в тот момент, то...

Стоп. Я заставил себя успокоиться и рассуждать трезво. И тут же обнаружил слабое звено в своих логических построениях. Ведь если легенда не врет (а легенда – это единственный источник информации), то сами люди Твари ни к чему. Значит, письмо не может быть от нее, а история, в которую я попал, никак не могла быть затеяна ею. Она уже уничтожила мой дополнительный шанс, а носители ее не интересуют. Нет, это не она.

Целую минуту мне казалось, что я знаю все... Целую минуту, по истечении которой я оказался там же, где был в самом начале. Я лежал на ковре и смотрел на девственно чистый лист бумаги. Да, единственное письмо, полученное мною, не содержало ничего. Просто чистый лист в конверте.

Глупая ситуация, одна из тех многих и многих глупых ситуаций, из которых связан шерстяной носок человеческого существования. Так прошло, наверное, еще не менее получаса, потом я поднялся, подошел к камину и, порвав письмо на мелкие клочки, бросил обрывки на едва тлеющие угли.

Я снова вернулся на ковер, лег, заложив руки за голову, и через минуту уснул, как и положено пьяному человеку. Сон вообще хорошая штука, особенно когда нужно увернуться от увесистых оплеух памяти, вздумавшей поиграть в «угадай, где прячется кролик». Ну его в задницу, подумал я, закрывая глаза, и еще, уже засыпая: каждой правде свое место и свое время. Так или иначе...

3

В течение следующего дня я выиграл две партии белыми и одну сыграл вничью при согласии обеих сторон. Дочитал Буковски и обнаружил лестницу в небольшой флигель с балконом.

Выходить не стал, памятуя о смраде и предупреждении Монгола, и лишь пометил в мысленной записной книжке, дескать, есть такая вот штука на случай мало ли чего.

К вечеру в плотно закрытые ставни начал царапаться дождь. Я опять затопил камин, снова приволок бутылку и кое-что из закуски... Стало вдруг очень уютно, но этот уют казался невыносимо хрупким, словно огромную чугунную статуэтку счастья кто-то по глупости решил водрузить на стеклянный журнальный столик. Так бывает перед самым-самым началом конца, когда наши древние гены диких собак Динго за несколько часов ощущают землетрясение. Из маленького домика в двух десятках шагов от МКАДа и четырех десятках – от пылающих свалок тонкими струйками испарялись покой и тишина, как всегда, напоследок конденсируясь уютной дробью дождя и неровными пляшущими языками огня в камине. Ну и тени, разумеется. По всем стенам безумные танцы теней, извечный шейк детей Франсиско Хосе де Гойи. Я лениво встал, сходил на кухню, вытащил из кучки одежды «макар» вместе с кобурой, бросил на пол в передней. Потом взял вакидзаси, осмотрел их, нашел какую-то суконку и начал медленно, чтобы не оскорбить неучтивостью старые клинки, полировать металл. В общем, я снова был пьян. Красный вакидзаси ничто не украшало, черный – гравировка в виде какой-то рыбы у самой гарды. Я полировал их, отвлекаясь только на особенно сильные порывы ветра, сталкивающего мой дом со стенами дождя. Это было хорошо, черт возьми.

Время замедлилось, играя желто-красными отблесками на зеркале лезвий. Мне было хорошо знакомо это состояние, и я знал, что бороться с ним и бежать куда-то бессмысленно. Необходимо принять происходящее как данность. В общем, я просто ждал, но в тот вечер гроза прошла стороной. Так тоже иногда бывает. Почистив клинки, я разобрал на ковре «макар» и поплелся на кухню в поисках чего-нибудь, чем можно обработать его механизм.

О «макаре» говорят разное. И о неточности, и об отсутствии гарантии. За время работы курьером у меня сложилось собственное мнение на этот счет, причем не теоретическое, а составленное эмпирически. Лучшего оружия для стрельбы в замкнутом пространстве (по соотношению цена-качество, разумеется) я не знал. В городских войнах «макар» был весьма эффективен и ни разу меня не подвел. Все дело в том, как относиться к оружию. И «Пустынного орла» можно довести до такого состояния, что он будет давать три осечки на пять выстрелов, что уж говорить о продукции отечественного производителя. Однако если относиться к оружию бережно, то и оно тебя никогда не подведет. Говорю же – эмпирически вычислено.

Я стоял на кухне, неуверенно оглядываясь в поисках какой-нибудь тряпицы, поскольку, разумеется, не собирался чистить «макара» той же суконкой, которой полировал вакидзаси.

Дождь неожиданно смолк. Я стоял, и вокруг было достаточно тихо, так что трудно было не услышать голоса. Сначала едва заметные, они становились все громче. А самое главное, их было много... Оставив «макар» разобранным, я снял с каминной полки черный вакидзаси, оставив красный лежать в одиночестве, и быстро взбежал на второй этаж. Потом уже медленнее, стараясь не производить лишнего шума, поднялся по лестнице во флигель и осторожно вышел на балкон. Я, правда, сомневаюсь, что в приглушенном шуме множества голосов кто-то мог услышать, как я поднимаюсь, но – береженого Бог бережет.

Было почти светло из-за огромной луны, висящей ночным фонарем в самом зените неба. В ее свете все походило на старые черно-белые комиксы с резкими тенями. Опустив глаза, я остолбенел.

По саду мимо моего дома в сторону МКАДа шли люди расты. Много людей расты, очень много. Со своего места я видел несчетное количество косичек, дредов и ярких красно-желто-зеленых беретов. Кажется, их было не меньше сотни, и они все шли и шли. Бесконечным потоком. Неспokoйное море полосатых беретов, дредлоков и афрокосичек. Люди расты покидали город и выбрали для своего исхода именно это место... Приглядевшись, я заметил, что в соседнем саду происходит то же самое, те же дреды и береты. И потоку этому не было видно конца...

Но назвать его легионом я не мог – не было в этих бегущих от неведомой мне напасти людях ничего воинственного.

Я уже не особенно прятался...

– Эй, брат, – крикнул снизу раста со странно знакомым лицом, – одна любовь, брат! Не угостишь человека расты сигаретой?

– А... да запросто, – ответил я, подумав, что в последнее время мне частенько приходится расставаться именно с сигаретами. Сунул руку в карман, нащупал пачку и, не раздумывая, кинул вниз. Перед глазами возник и тут же пропал образ Немого.

– Я могу взять все? – неуверенно спросил раста и скинул с плеч бонги. Я тотчас узнал его. Это он играл около выхода из метро «Пушкинская».

– Можешь, если скажешь, куда это вы собрались все сразу, – ответил я.

– Куда угодно, – пожал плечами раста, прикуривая мою сигарету, – в этом городе слишком много зла и боли, и наши сердца не могут столько вместить. К тому же в город вошли танки. Их привел генерал Фальстат. А за танками идут тигровые манипулы. Городское ополчение смято, милиции не видно. Армия пока держится в центре, но это ненадолго. Вот мы и уходим. Вернемся, когда все утихнет. Если утихнет...

Я помолчал, обдумывая услышанное. Получалось, что Ниху ошибся всего на несколько дней. Хотя, хрен знает, может, то, что он назвал Пелопонесской битвой, уже произошло... Ниху – божок подземного пантеона, еще один фольклорный персонаж, обретший плоть. Ему было плевать на время, так что ошибка не исключена... На какое-то мгновение мне захотелось все бросить и уйти с людьми расты. Не знаю, почему я этого не сделал. И не знаю, что было бы, поступи я так. Но я только спросил:

– А почему тут ничего не было слышно?

– Это ДеНойз, – ответил раста, – он скинул несколько ракет в центре.

– А я думал, ДеНойз – это сказка, – заметил я и подумал, что жуткие сказки в эти дни оживают, как мертвецы в фильмах Роба Зомби.

– Я тоже так думал, – кивнул раста.

– Где вы собираетесь отсиживаться?

– Знаешь развалины Зеленограда?

– Да, приходилось бывать...

– Мы будем там. Если что, приходи, будем рады. Нам нужен кто-то, кто сумеет нас защитить. Ведь мы не умеем воевать.

– А с чего ты взял, что я могу вас защитить? – спросил я.

– Раста открывает нам глаза чуть шире, чем остальным, – усмехнулся перкуссионист, – и мы видим куда больше... Так что мы будем ждать тебя, курьер.

Я кивнул и ушел с балкона. И только потом понял, что он назвал меня курьером. Ни в какие открытые глаза я, разумеется, не поверил.

Я нашел на кухне тряпку, порвал ее на полоски и принялся начищать и смазывать части «макара». Время снова замедлилось. Я чистил оружие и слушал, как идут и идут люди мимо моего дома. Кажется, они шли всю ночь. Крысы бегут с корабля, почему-то подумал я, хотя вовсе не считал людей расты крысами. Но в этом что-то было. Ночь предстояла долгая. Из-за шума я мог прозевать другие звуки, более опасные, поэтому спать в эту ночь мне не светило.

Ближе к утру стало невыносимо клонить в сон. Я встал, попялился на черный рисунок золы в камине, весь в белых и серых чешуйках шлака, вяло потянулся и решил включить торшер. По передней растеклось такое унылое желтое свечение, что я тут же врубил и большой свет. Шум голосов за окном то стихал, то усиливался, и от этого еще больше клонило в сон. Я сунул руки во временную петлю кобуры и чертыхнулся, когда она зацепилась за роговое образование на плече. Плюнул, сунул «макар» в карман и поплелся на кухню делать кофе.

Из-за голосов людей расты на улице здесь, в доме, царила какая-то особенная тишина. Я медленно перелил кофе из жестяного ковшика (турки не оказалось) в чашку, бросил туда кусок сахара и вернулся в переднюю. Тишина не отступала, напротив, мои шаги тонули в ее все более отчетливых контурах... Я закурил, выпил кофе, побултыхал осадок, пытаюсь узнать в нем что-нибудь знакомое. Потом пожал плечами и закрыл глаза. Чему быть, того не миновать...

...Проснулся я в абсолютнейшей тишине, если верить надменным часам-консерву, всего через два часа. Но выспался отлично, как будто и не кемарил, сидя на полу и прижавшись спиной к подлокотнику кресла. Люди расты исчезли, как ночной полубред, оставив после себя странное ощущение какой-то цыганской, почти безэмоциональной, привычной тоски и вытоптанную траву в саду. Хотелось пить...

Я в тысячный раз повторил свой маршрут на кухню, перелил в чашку остатки холодного кофе... Морщась, пил его мелкими глотками и мерил шагами переднюю от камина к лестнице на второй этаж, от лестницы к стене с зеркалом, от стены снова к камину. Что-то было в этом утре, что-то пугающе определенное, как дрожь рук после драки или ноющая боль в ампутированных конечностях. Утро цеплялось за одежду, проступало на коже мелкими капельками пота и все время оставалось в поле бокового зрения то движением секундной стрелки часов, то мгновенным отражением оконного переплета в чашке, то еще черт знает чем. Я все ходил по передней, глотая горький кофе, и силился поймать это неверное движение.

Потом чашку вырвало из моих рук, она упала на пол и беззвучно разлетелась бело-черными брызгами кофе и фарфора. С потолка посыпалась побелка, а самого меня приподняло и бросило к лестнице. Рядом повалилось набок и проползло кресло, утащив за намотавшийся шнур торшер с нелепо покосившимся абажуром. Два вакидзаси проехали по полу к моим ногам. Я протянул руку и схватил их, но тут же выпустил, потому что меня снова приподняло и швырнуло через всю комнату на противоположную стену, впечатав буквально в нескольких сантиметрах от овального зеркала, которое уже пошло паутиной трещин, но как-то умудрялось держаться на стене и соблюдать видимость целого. Медленно накренилось и упало, не нарушая абсолютной тишины, тяжелое чугунное ведро с кочергой и щипцами для угля. Из камина вылетело облако золы, посыпались вчерашние угли. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль, что если бы я проснулся чуть раньше и успел разжечь огонь, то оказался бы в натуральном аду... Потом мне стало не до размышлений. Меня снова начало кидать из стороны в сторону, и я едва успевал подставлять ороговевшее плечо. Было все равно очень больно, но я четко осознавал: один такой удар спиной или головой – и все, я вырублюсь и меня начнет лупить обо все углы, как тряпичную куклу. И тогда будет еще большим чудом, если я не сверну себе шею или не сломаю позвоночник о ту же лестницу.

Тем временем окружающий мир продолжал содрогаться в суицидальном оргазме, уничтожаясь и уничтожая. Сверху, со второго этажа рухнула в вакуумной тишине секция перил. Меня только что протащило по пыльному квадрату в том месте, где минуту назад стояло кресло, и перила упали достаточно далеко от траектории моих спорадических передвижений. Но следом полетели книги, какие-то куски дерева, упала и разлетелась на куски шахматная доска. Стало ясно, что надо куда-нибудь спрятаться, иначе сверху рухнет что-нибудь более громоздкое, хотя бы тот же раритетный черно-белый телевизор, и тогда, может статься, меня не спасет и ороговевшее плечо.

Пользуясь секундным затишьем, я дотянулся до ступеней, вцепился в прут, прижимавший ковер, и, оттолкнувшись ногами, нырнул под лестницу. Тут же новая волна вырвала меня оттуда, и я оказался в узком пролете между стеной и покосившейся решеткой перил. Сильный, до мгновенного помутнения в глазах удар о стену. Рикошетом отлетаю обратно под ступени. Снова на некоторое время перестало кидать, и я торопливо потянул на себя какое-то тряпье, которое валялось под нижними ступенями. Было больно, а тишина давила так, что хотелось

выть. Кожу мою покрывали маленькие красные точки – часть капилляров полопалась, и кровь проступила через поры. Я много раз слышал об этом, но никогда не верил, что такое может быть. А именно так в рассказах моих коллег случалось с теми, кто попадался на пути звуковой (или беззвучной?) атаки ДеНойза, мифического короля Кольцевой дороги, еще одного представителя разветвленной семейки городского фольклора. Мне вдруг захотелось взвыть, но я знал, что это бесполезно: бомбы ДеНойза глушили любой звук. На самом деле мне повезло, что ДеНойз лупил куда-то в сторону центра города, и именно там теперь камень, асфальт, бетон, стекло и плоть перемешиваются в первобытной беззвучной пляске, словно повторяя случившееся миллионы лет назад, в период возникновения материи. Меня зацепило лишь краем, лишь взрывной волной, лишь эхом, которое пусть слабо, но все же пригасили стены дома и закрытые ставни. Я катался между стеной и лестницей, пытаюсь зажать уши, чтобы хотя бы стук моего сердца прозвучал в этой космической стерильности тишины. И постепенно слабо, словно сквозь пелену марлевой повязки, ватный тампон, танковый шлем или подушку я услышал его неровные удары: раз... раз-два-три... раз... раз... раз-два... Я сосредоточился на них, потом, когда удары стали слышаться отчетливее, перекатился на спину по все еще вздрагивающему полу, прижался плечами к стене, ногами уперся в ступени и начал ждать следующих ударов. Тело болело и нестерпимо зудело.

Но ДеНойз либо закончил артобстрел, либо сменил координаты цели, и теперь в тишину вторглись оглушительные звуки двигателей внутреннего сгорания. По МКАДу летели сотни мотоциклетных банд, считавшихся воинством хозяина Кольцевой дороги. Они неслись в сторону города, а значит, либо Фальстат каким-то образом убедил ДеНойза перейти на его сторону, либо ДеНойз сам решил принять участие в игре за обладание лакомым куском – самым большим городом людей в этой части света. Городское ополчение и милицейские маркеры были либо сломлены, либо перебиты, и это вполне могло стать поводом для пробуждения вечно спящего шамана Московской окружной автодороги, своенравного божка звука ДеНойза. Многие захотят урвать свой куш в этой игре, я был почти уверен, что так оно и будет. Я забрался глубже под лестницу, дрожащими руками натянул тряпье на голову и стал ждать...

Тот факт, что ДеНойз и Фальстат вошли в город, означал полное уничтожение маркерной инфраструктуры Москвы. Такое уже случалось еще до моего появления здесь, когда Ниху вывел из катакомб свое уродливое войско и три дня пировал в городе, уничтожив – читай, сожрав – две трети населения. Потом подтянулись войска из регионов, и ублюдков загнали назад в катакомбы. Говорят, Ниху тогда убивали трижды, прежде чем он снова убрался в подвалы жрать крыс и заблудившихся бедолаг. Еще месяц назад я считал это городской легендой. Но периодически в истории людей случается так, что легенды оживают – чаще всего для того, чтобы переписать эту самую историю под новые габариты происходящего и снова убраться в сказочное ничто. Беда в том, что генерал Фальстат как раз и командовал региональной армией, а ветераны тигровых манипул расправлялись с Ниху. Как развернутся события теперь, я предсказать не мог и не пытался. На город мне было наплевать, я прекрасно знал, что он отстроится заново после любого пожара, вырастет из любых руин, ассимилирует в собственном теле любого агрессора. Меня больше интересовала собственная шкура.

Когда я осознал, что кроме биения сердца слышу и другие звуки, я стянул с лица тряпье и впервые за эти последние минуты вдохнул полной грудью. Очень осторожно, прислушиваясь к тому, как реагирует на движения тело, я выбрался из-под лестницы, окинул взглядом бардак в передней и стал искать мечи. Сначала увидел красный. Он был переломлен поперек лезвия, четко вдоль гарды. Потом нашелся черный, в целостности и сохранности. Его зажал между подушками кресла и так спасло от ударов о стены, лестницу, пол. Вытащив меч, я, шатаясь, побрел к заваленной бардаком лестнице. Нужно было выбираться отсюда: и из дома, и из Москвы

вообще. Но для начала следовало понять, что творится вокруг. Я поднялся во флигель и приоткрыл балконную дверь. Первое, что я увидел, был подъезжающий «Инде́нт» Монго́ла.

– Ты даже не представляешь, что творится в Москве, – радостно крикнул Монгол, – ты даже не представляешь!

IV

1

«Пафос и горечь – нелепые соседи скучной бездарности и/или осмысленной бессмысленности. Слово есть суть, но коли за словом пустота, то и все – пустота...» Да, пустота... Любое слово. Особенно если оно исходит от лица плохо понимающего, о чем он пишет, автора-философа. Пожелтевшие страницы найденной в бардачке книги. Обложка, первые двадцать страниц и последние отсутствуют. Ни имени автора, ни названия. И слава богу, значит, я никогда к ней не вернусь. Пустая книга о пустоте – это то, в чем я меньше всего теперь нуждаюсь. Пустоты – полные карманы, горечи – полная грудная клетка, рассуждений – полная голова, того и гляди тресну по швам, а внутри – все те же пустота и горечь... Книга возвращается в бардачок, к старым свечам, гаечным ключам и потрепанным дорожным атласам.

Мониторы автомобильных стекол, иссеченные грязными струями дождя, вот, собственно, и все, чем я сейчас владею. Но и этого немало. Каждая капля – летящий навстречу фанатик священного ветра, умирающий у тебя на глазах самоубийца. Минуту назад – июль. Жара. Пыль, от которой не спастись за мокрым платком. И вдруг – дождь, словно заблудившаяся собака, тычется мокрым носом в лобовуху. Сначала осторожно, а потом все более зверея, до иступления, унося с собой и пыль, и краски. Три минуты черно-белого, и все – дожди в такую жару не бывают долгими. Но эти три минуты, в эти три осколка вечности мир бьется в приступе бескрасочного межсезонья, ведь черный и белый – это не цвета... За эти три минуты происходит так много. А ведь совсем недавно мне казалось, что их не хватит даже чтобы что-то сказать. Я наблюдаю за миром сквозь лобовое стекло огромного грузовика, стальным дизельным зубилом прорубающего косматую завесу короткого летнего дождя, и думаю, что пока и это немало. Пусть будет...

Ближе к Москве дождь заканчивается. И кажется, что вместе с ним исчезают деревья и вся растительность вдоль дороги. Только обугленные пни кое-где и торчащие трубы, как из старых фильмов обо всех войнах всех времен. Они торчат нелепым символом из нелепо обездоленных печей, а вокруг нелепо обезображенная земля. Горечь и пустота, пустота и горечь. Здесь все тоже обесцвечено, но уже по иным, куда более жутким, нежели трехминутный дождь, причинам. Тут отступала наголову разбитая армия генерала Фальстата. Кое-где среди труб, зарывшись в землю, стоят обгоревшие трупы танков. Но их немного: надо отдать должное Фальстату, в последний момент он оценил безнадежность ситуации и вывел технику из города. И две из пяти тигровых манипул. По слухам, ему удалось сохранить две трети армии, а это... Ну да, и это тоже немало.

Потом, неделей позже, отсюда же уносил ноги ДеНойз. Если у него есть ноги, конечно. Одно точно: спесь с него слетела, как пыль с кабины грузовика под первыми каплями дождя. Говорят, когда он не смог удержаться даже на Кольцевой, где знал каждую трещину в асфальте, байкеры оставили своего господина, и ДеНойз убрался в леса, обратившись электрическим псом, питающимся исключительно бумагой. Я в это верю. Я теперь многому верю, но практически никому не доверяю. Особенно после того, как тогда из машины Монгола увидел аккуратную поленницу тел сразу за МКАДом. Кое на ком еще сохранились цветастые желто-зеленые береты. Там были дети людей расты. Вернее, дети там тоже были. И это тоже немало. Только страшнее остального, хотя как-то странно теперь что-либо сравнивать. Более страшно, менее жутко, более мертв, менее жив – понятия обесценились в течение нескольких месяцев, и эта инфляция, боюсь, уже необратима. Горечь и пустота, пустота и горечь.

Некоторое время в городе держался Ниху, окруженный странной свитой полулюдей-полукрыс и монахов-людоедов, но и ему пришлось в конечном итоге уйти, бросив свое тупоголовое войско на растерзание. Но Ниху уходил не здесь. У него свои пути, и думать о них мне не хочется.

– Надо бы поссать, что ли, – пробормотал с полувопросительной интонацией простой парень Серега Дымарев, водила (ни в коем случае не водитель!) грузовика.

– Да, и Братья, наверное, утомились, – согласился я. – Постоим полчаса. Покурим.

– Я и говорю, – одобрил Серега, – поссать надо. Все равно с опережением идем.

На самом деле никакого опережения не было, разве что минут на десять, но я промолчал. Минуты и правда особой роли не играли. Особенно с тех пор, как я стал работать на федералов. Я вообще удивляюсь, как ватага полууголовного сброда без малейшего понятия о дисциплине умудрилась вытеснить из города весь жуткий (более или менее) пантеон и манипулы Фальстата в придачу. Впрочем, сделав это, они и не подумали отдавать город Пинасу, не захотели делиться лакомым куском. И только тогда «победитель» опомнился и постепенно начал подтягивать к городу регулярные войска и группы специально обученных профессионалов. Да, местечковый бунт в городке Москва... Но тогда, месяц назад, было не так, было страшнее, и другие профессионалы дали деру вот по этой вот выжженной земле, а небритая толпа с заточками и самопальными волынами грабила Москву и убивала, убивала, убивала... Русский бунт. Ай да Пушкин, ай да сукин сын... Прав был курчавый относительно русского бунта, прав, есть в нем что-то эзотерическое, за гранью восприятия, вне логики. Трансцендентное. Крысиная война без музыки Чайковского. И это тоже немало, этого как раз хватило, чтобы уголовники смогли справиться с регулярными войсками и мифическими божками...

Грузовик, замедляя ход, съезжает к обочине. Дверь кунга с замазанными краской номерами открывается нехотя, скрипя проржавевшими петлями, обтекая струйками дождя. Десять человек с одинаковыми серыми лицами в одинаковых черных комбинезонах один за другим спрыгивают на землю. Потом они достают одинаковые портсигары, из портсигаров – одинаковые сигареты, одинаковым движением прикуривают, одинаково выпускают дым уголкем рта. Братья Блюз. Профессионалы. Десять копий одного и того же человека. Но, говорят, не клоны, тут другое. Я верю. Но мне плевать. Я лишь работаю на Пинаса экспедитором. Доставляю груз. Срочный груз. И этого с меня довольно, потому что, если вдуматься, это немало. Около пяти сотен точно таких же грузовиков едет сейчас по разным трассам к горящей Москве.

Потому что быдло с заточками окончательно вышло из подчинения. Им понравилось грабить и уничтожать. Тот факт, что грабят и уничтожают они Москву, сердце цивилизации российской, придавало им куражу. Говорят, Ниху со своими уродами куда меньше натворил тогда... Я верю, я теперь многому верю, хотя и на Москву и на цивилизацию российскую мне сейчас глубоко наплевать. Тем более, что уничтожается цивилизация российская цивилизацией российской же. As usual. Завтра утром быдло уберут, вынесут сор из избы. Старинное русское развлечение. Плебс сделал свое дело, плебс можно выметать.

Мне плевать. Я никогда не любил Москву. И никогда не испытывал симпатии к быдлу с заточками. Сигарета тлеет медленно...

Я поднял глаза. На низкой высоте неуклюже полз от Москвы раненый дирижабль. Текст слогана: «Ощути безумие столицы вместе...» Остальное обгорело. Огромную дыню уносит в сторону. А мне плевать!

Простой парень Серега прямо тут, лишь повернувшись спиной к остальным, поливает прибитую недавним дождем пыль и сажу. Кто-то из Братьев достает губную гармошку и начинает наигрывать блюз. Я жду, что все остальные сделают то же самое, будут играть в унисон. Но они просто курят, равнодушно глядя куда-то в сторону. Просто куда-то туда. Я закрыл глаза и представил, как это может выглядеть с рекламного дирижабля. Получилось странно и красиво.

Черно-белая пустыня, обгоревшие танки, покосившиеся трубы – и над всем этим печальный афро-американский мотив уборщиков сахарного тростника. Действительно красиво. Простой парень Серега с кряхтением стягивает, застегивает ширинку и интересуется:

– А вот, скажем, сигаретки для хорошего человека кому не жалко?

Десять одинаковых братьев одинаковым движением достают одинаковые портсигары. Блюз умирает быстро, как тропический закат.

– Ох, коммунизм, – усмехается простой парень Серега, – у всех по сигаретке, чтоб никого не обидеть. А вот еще бы огоньку, а то так лень в кабину лезть...

Торопливо протягиваю ему свою зажигалку...

Чуть позже снова начался дождь, и без того бедная на цвета картинка стала и вовсе тоскливой. Устав от однообразия пейзажа, мельтешащих «Дворников» и бессмысленных замечаний простого парня Сереги Дымарева («чо-то стучит или уж кажется», «ох мать, ети ее, да, экспедитор», «льет как из ведра, а ни одна сука не наливает, ха-ха-ха»), я воткнул в уши таблетки плеера с древним «Криденс» на болванке, закурил и натянул на глаза козырек бейсболки. Дождь постепенно стихал, но горечи и пустоты не убавилось... разумеется.

– Сколько нам еще ехать? – спросил я Серегу, вынув один из наушников.

– Час, не больше, – сказал Серега и яростно зевнул.

Я пожал плечами и вдавил кнопку «Play»...

Когда-то давно, еще до того, как мир начал сходить с ума, я любил дальние поездки на таких вот грузовиках в дождь, когда весь мир сосредотачивается в границах отдельно взятой кабины.

Тогда я любил слушать Криденс, не надвигая бейсболки. Напротив, я смотрел во все глаза на искаженную бегущими по стеклу каплями картинку за окном. Идеальное одиночество, вот как я это называл. Одиночество даже не планетарных масштабов, но абсолютных. Только ты и дождь, и ничто не вмешивается в ход твоих мыслей, ничто не отвлекает. В такую погоду и в такой обстановке перестают иметь значение понятия «уже» и «еще».

Представьте себе автобан сквозь Вселенную. Без атмосфер и геосфер, без планет, финансовых отчетностей, теплых течений, глобального потепления, предвыборных кампаний и прочих признаков цивилизации. Только асфальт, вы, ваш трансгалактический грузовик и Криденс. Когда-то я даже пытался написать об этом. Не получилось, конечно. Теперь, когда все потеряно и даже под козырьком бейсболки не спрячешься от четкой линии между «еще» и «уже», у меня бы получилось... Но теперь мне не хочется писать.

Шло время, минуты выпадали из поля зрения, вяли в пустоте и горечи, а одиночество не наступало. Оно покинуло меня, оставив одного. Как же это страшно – остаться одному, но лишенным одиночества!

...Когда я снова поднял козырек и посмотрел вперед, сквозь серое марево уже можно было разглядеть место Хорезм. Десятки кунгов стояли на выложенной бетонными плитами площадке. Кое-где виднелись темно-зеленые военные палатки и сетка с плюхами камуфляжных лоскутков. Дымила огромная бочка полевой кухни.

Я вынул наушники и снял бейсболку. Какая разница, как все было до того, как мир начал сходить с ума? До горечи, до пустоты?

Место Хорезм появилось недавно. Так же, как и место Три-Хадж и место Салехард. Все они находились на расстоянии от Москвы и основных автотрасс (а также друг от друга), чтобы не привлекать к себе внимание, но в течение двух часов все машины могли сняться с места и войти в город. Впрочем, меня это уже не касалось, как и большинства других экспедиторов. Я заскочил в штабную палатку, расписался в журнале и получил слегка смазанную печать в

командировочном листе. Потом некоторое время стоял, наблюдая, как Братья Блюз расставляют свой шатер. Девять из десяти. Десятый, его звали Диего (я знал только его имя, и, по слухам, он единственный из Братьев Блюз был реальным человеком) сидел на корточках чуть в стороне и играл на губной гармошке блюз. Тот же самый. Жутко хотелось есть.

Потом мимо пробежал простой парень Серега, стрельнул сигарету, получил десять и на вопрос, куда так спешит, ответил, что с минуты на минуту должна подъехать машина с Братьями Драконами. Надо позырить, сказал Серега.

Это было неожиданно. Во-первых, непонятно, откуда у Пинаса появились деньги на оплату таких бойцов, во-вторых, зачем ему тратить такие деньги? Впрочем, меня это тоже не касалось. А вот на семерых драконов посмотреть стоило – даже когда тебе на многое уже наплевать, просто постоять рядом с легендой имеет смысл. Кроме того, делать было совершенно нечего, а время до кормежки грозило тянуться до третьего пришествия Юрия Шатунова...

Я отправился вслед за Серегой, пробираясь между почти вплотную стоящих грузовиков. Через минуту с удивлением обнаружил идущего рядом Диего. Остальные Братья Блюз продолжали возиться с палаткой.

– Я думал, вы никогда не расстаетесь, – сказал я.

Диего пожал плечами и ничего не ответил.

Когда мы подошли, двери кунга уже открылись, и Драконы начали выскакивать на бетон: семь одинаковых желтых лиц с раскосыми глазами, семь одинаковых белых кимоно, семь одинаковых красных хайратников. В отличие от Братьев Блюз этих я знал поименно: Камбэй, Кацусиро, Ситиродзи, Горобэй, Хэйхати, Кюдзо, Кикуджиро...

– Славные бойцы, – сказал чуть слева и сзади Диего, – очень хорошие. Но сейчас время тротила, а не мечей. Не понимаю Пинаса.

Я промолчал, пожав плечами. Время мелкими шажками приближалось к ужину, и со стороны полевой кухни доносились сводящие с ума запахи Жареного мяса... Я слотнул горьковатую слюну, сунул руки в карманы и обреченно побрел в лагерь.

2

Прошло три дня, и место Хорезм опустело. Ночью все машины, кроме двух, снялись и уехали к Москве, и уже через два часа небо на западе занялось отсветами пожаров. Я полулежал на лавке в трех шагах от Серегиного кунга, курил, пил мерзкое теплое пиво и смотрел туда, в сторону зарниц. Периодически я тестировал свой мозг и то, что, наверное, называется душой, на предмет реакции, хоть каких-то чувств, переживаний, ощущений... Ничего. Там, на западе, мелкие, но профессиональные отделения убийц методично уничтожали орды взбесившихся уголовников. Там уже в который раз за последнее время сжигали и разрушали мой город. Но мне было наплевать. Больше того, мне было плевать на то, что мне наплевать. Меня беспокоило только одно: грузовики почему-то увезли с собой оба дизель-генератора, и пиво в холодильниках быстро достигло комнатной температуры. Жара же, несмотря на периодически выпадающий дождь, не спадала даже ночью...

– Ц-ц-ц... Город плохо, – покачал головой водитель Братьев Драконов и посмотрел на меня раскосыми миндалинами глаз, – твой город, да?

– Мой, – кивнул я и протянул ему пиво.

– Город плохо, – повторил водила и сделал несколько глотков из бутылки.

– Да хули там, – встрял в разговор невесть откуда появившийся простой парень Серега Дымарев, – там и без того хорошего было мало. Дай-ка сигаретку, Ромыч.

Я протянул ему пачку и сказал:

– А я думал, ты там. Блюзы вроде уехали.

– Ага, – сказал Серега, – а у меня вчера что-то желудок свело, мама не горюй. – Он помолчал, ухмыльнулся и добавил: – Как только узнал, что ночью стартуем, так и свело. Хули я там забыл, в этой Москве? Мне оно надо – голову под пули совать?

– Ц-ц-ц... Город совсем плохо, – снова повторил японец.

Там что-то коротко, но мощно, на полнеба полыхнуло и тут же улеглось. В глазах еще какое-то время висела красноватая пелена...

– Смотри, как рвануло, – покачал головой Серега, – как думаете, что это?

– Я не знает, – грустно сказал японец.

– И я не знает, – равнодушно сказал я.

– Ага, – сказал Серега, – ну ладно. Пойду поссу, да спать пора. Дай-ка, Ромыч, еще сигаретку про запас.

– На черный день копишь?

– Ага.

Прошел примерно еще час. Небо и не думало успокаиваться. Под столом стояло три бутылки пива. Я курил четвертую сигарету. Спать не хотелось.

– Долго зачем, – вздохнул японец, – нехорошо это.

– Ну... – я пожал плечами, – наверное, такие дела быстро не делаются.

– Нет, – покачал головой японец, – я знаю. – И добавил по-японски: – Тада кассэн ни ва дзуйбун дэта га... Много-много Драконы возил. Семь языков говорю. Такое надо быстро. Долго – много мертвый... Плохое зачем?

Небо вновь полыхнуло, на этот раз еще ярче, но вспышка не улеглась сразу, как в первый раз, а медленно поплыла к горизонту. Так кровь или масло стекают по плоскости... Правильно сделал тот рекламный дирижабль, что удрал...

Из штабной палатки вылетел заспанный денщик. Что-то крикнул. Японец вскочил, побежал к палатке, но из нее уже выскакивали Братья Драконы в белых кимоно с мечами в руках. Японец развернулся на каблуках и, причитая по-своему, побежал к кунгу.

– Во как, – снова невесть откуда появился Серега, – видно, дрянь дело, раз и этих алеутов туда посылают.

– Они японцы.

– А какая разница? Слышь, Ромыч, угости-ка сига...

Не знаю, что я такое почувствовал... Во мне что-то перевернулось и вдруг стало тяжело дышать. Помню, как я вскочил, бросился к палатке и сразу наткнулся на свой рюкзак. Выдернул черный вакидзаси, «макара» своего нащупал и выскочил наружу. У стола, удивленно хлопая глазами, стоял простой парень Серега Дымарев. Кунг японцев уже разворачивался на выезд с места Хорезм. Я рванул по прямой, через ограду полевой кухни, выскочил на дорогу и успел вспрыгнуть на подножку. Японец наклонился, открыл дверь, впустил меня в кабину.

– Я с вами, – задыхаясь, пробормотал я.

– Понимает, – сказал японец и часто-часто закивал, – твой город, да. Понимает.

Потом он заметил у меня в руках вакидзаси и улыбнулся, но ничего не сказал.

3

Около получаса мы ехали молча. В очередной раз (третий или четвертый за эти сутки) пошел дождь, и с самого начала стало понятно, что он не может быть долгим, слишком яростными были удары в лобовое стекло, слишком определенными. Казалось, небо торопится сбросить старую, пропитанную влагой шкуру, и вот она ключьями летит вниз, разбивается о шершавый асфальт, о стекла японского кунга, о мое прошлое, от которого я, похоже, начинал отрываться на скорости 60 километров в час, и скорость эта все росла... Наверное, что-то

подобное происходило в тот момент и со мной. Я тоже готовился сбросить старую шкуру. Беда в том, что я понятия не имел, какова должна быть новая, не понимал происходящего и не был уверен, что поступаю правильно. Проще всего было принять все таким, какое оно есть: ключья дождя, рваная темнота ночи, утробный рык двигателя внутреннего сгорания. Еще один отрезок моего бытия. Но где-то в глубине души я понимал, что на этот раз мне уже не удастся удержаться в поле частных моментов, остаться пассивным наблюдателем и решать текущие проблемы.

Я оглянулся на японца, но тот сосредоточился на дороге, и я не стал его отвлекать. Мы летели уже со скоростью под сто двадцать, не меньше.

Алое зарево на горизонте становилось все ярче и ярче. Очистительное пламя, берущее начало одновременно из пароксизмов Большого взрыва и печей Дахау. Наш маленький грузовичок детской игрушкой летел в самое сердце огня. И я вдруг опомнился (а может, наоборот, мое сознание помутилось окончательно – в данном случае это почти одно и то же). Я сорвал с ремня плеер, скрутил наушники и выбросил в окно. Потом подумал и отправил туда же бейсболку... Я все еще понятия не имел, правильно ли поступаю, но если уж рванул вперед, то ни в коем случае нельзя оборачиваться назад, цепляться за прошлое, за то, что было «до». Это бесполезно, более того – опасно. Когда начинаешь оглядываться, очень скоро перестаешь понимать, куда и откуда бежал, и кто-нибудь обязательно – закон жизни – именно в этот момент ударит в спину. Поэтому я инстинктивно избавлялся от всех якорей, связывавших меня с прошлым, сбрасывал шкуру, пропитанную ржавой влагой.

– Может быть, и не так страшное, – пробормотал японец, коротко взглянув на меня, – может, ты вернуться на место Хорезм.

– Вряд ли, – ответил я, пытаюсь сообразить, с чем бы еще из прошлого распрощаться. Шариковая ручка. В окно. Пачка документов: военный билет, паспорт, пропуск какой-то, карта медицинской страховки, кредитка. В окно. – Вряд ли я захочу вернуться.

Горизонт полыхал все ближе, пространство сжималось на глазах. Темнота вдоль дороги превратилась в иссеченные косым дождем стены коридора автотрассы. Фары на какие-то жалкие мгновения выхватывали куски дороги, разделительный пунктир несся под колеса кунга, покосившиеся обгоревшие столбы на обочинах вздрагивали, попадая в лучи желтого света. Мне вдруг почудилось, что грузовик летит сквозь мое персонально джандо, но потом я отбросил эту мысль за ненадобностью. Я не хотел как-то обозначать данный момент собственного существования, пусть он просто будет. Даже если потом я прокляну эти минуты, сейчас пусть все будет так, как есть.

Грузовик Братьев Драконов летел по ночному автобану в сторону горящей Москвы. Летел так, что ветер гудел в кабине кунга. И мне уже было не наплевать, я вновь вживался в тело истории.

Теперь, когда мосты были сожжены и всякая возможность вновь замкнуть утомивший уже порядком круг исключена, я откинулся на спинку неудобного кресла и спросил японца:

– Почему вызвали Братьев Драконов? Зачем их вообще наняли?

– Я зная только, что Хозяин Пинаса очень спать и проснуться злой зачем, – терпеливо начал говорить японец. – Пинас его обманывать. И Хозяин понимать. Только Драконы сильнее Хозяин. Пинас купил Дракон. Но Пинас опаздывать.

– Почему?

– Хозяин убить Пинас. Голодный после сон. Злой зачем. Теперь выйти на улицу. Все равно очень голодный, очень злой. Хозяин стал сильнее всех ему подобные, это виноват Пинас. Хозяин убивает всех, очень много наши мертвый. Надо убить Хозяин. Штаб велел разбудить Драконы. Но Драконы не спать. Они умеют не спать три месяца и пять дней. Только надо много

чистая вода. Если есть чистая вода, Драконы не спать три месяца и пять дней. Если нет чистая вода – только месяц.

– Почему я никогда не слышал о Хозяине Пинаса? Об этом никто не говорил.

– Мало знать Хозяин. Я знать, я вожу Драконы. Ты не знать. Но раньше Хозяин был не опасный. Не много был. Теперь он вырос. Хозяин вырастил Пинас. Это неправильно зачем, но теперь поздно.

– Кто он такой, этот Хозяин?

– Никто точно не знает. Но Драконы говорит – он был второй Жизнью. Когда стали убивать его человека, он ушел, а должен был умирать. Да.

– Он был дополнительным шансом?

– Да, второй жизнью. Так Драконы говорят. Но он предал человека. Такой очень редко. Никто не знает, почему Пинас взять его. А потом он стал Хозяин Пинас. Пинас оказался слабый. Он хотел использовать Хозяин брать город, но получилось обратно – Хозяин использовать Пинас. Теперь Хозяин много ест. Очень опасный.

– Но дополнительные шансы не могут уничтожать носителей. Это и их убивает.

– Так и была до когда Хозяин понял, что другое. Что не такое, как все. Это злость, я думаю, он пропитался злость Пинас. И стал Хозяин.

– Никогда о нем не слышал...

– Про него мало говорит. Знаю, он ищет один единственный и мечтает этот мир не было. Он называет себя Тварь, а других имен я не слышать...

4

Под беснующимся зороастрийским небом, наверное, хорошо ехать на грузовике с кунгом в сторону трассирующей бесконечности московского бреда. В это трудно поверить, особенно когда картинка вдруг оживает вокруг тебя, и ты понимаешь, что пробудил бред, открыв ему дверь из камеры загнанного в тупик мозга. Уютная смерть в кровавом кружеве змеится по переулкам, избегая легко простреливаемых проспектов... И ты пересекаешь ее шальное тело, отчасти отторгаемый ею, отчасти пропитываясь ею же и прорастая в ее хорошо сдобренном черноземе. Пересекаешь сошедшим с ума бедолагой, который отказался от прошлого, выбросив в окно плеер и бейсболку. Это легче, чем могло бы показаться, но не имеет никакого отношения к обычному, стандартному, медицинскому безумию. Этот выбор сродни выбору профессии, конфессии или даже ресторана на вечер. Просто я так решил. И в этом месте и в этом времени – это немало. Я, как тот кракен, проснулся на океаническом дне спустя миллионы лет и понял, что остался один.

На дне ядовитых морей, в фиолетовом мраке,
На ложе из черных кораллов, в медуз хрустале
Лежит первозданное диво – чудовищный кракен,
Любовник, которому равного нет на земле.
Могучее тело окутала сонная греза,
И зрит немигающий глаз лишь одну темноту.
Раз в тысячу лет он выходит из анабиоза,
Чтоб снова искать Незабвенную, Данную, Ту.
Туда, через толщу воды, через муки кессона,
Блестя антрацитовый кожей на мускулах рук,
Туда, где дождется его вожденное лоно
И жгучая нежность Единственной в сонме подруг.
И пенит бурунами воду бездонная глотка,

А призраки чаек клекочут предвестье беды,
И горе тому мореходу, чья утлая лодка
Не спрятана в ветхий сарай далеко от воды.
Но зря он крушит наши неводы, тралы и сети,
Ломая в щепу китобоев крутые борта,
Отчаявшись знать, что остался последним на свете,
И канула в вечность его Незабвенная Та.

Как же вышло, что я оказался один на один со временем, с миром, с эволюцией, со стрелками часов и листьями календарей? В этот час, в это время, в этом месте я был последним представителем цивилизации людей, моей цивилизации. Все другие либо остались в прошлом, либо ушли далеко в будущее. На той точке отрезка, где сейчас находилось мое тело, обремененное банальным эмпирическим мировоззрением и не менее банальной метафизикой чувств, никого не было. Разве что только пустота и горечь разделяли со мной одиночество. И вот я словно проснулся от глубокого сна, вырвался из лап кессона и пытаюсь вдохнуть полной грудью, дотянуться до одних, расстаться окончательно с другими. А по сути – оборвать событийно-предметную пуповину, которая связывала меня со мной же из прошлого. Чтобы в будущем обрести себя настоящего? Не знаю, не думал об этом. Я бросаюсь на стену, на огненную стену полыхающей Москвы, раскаленного сознания, неосознанных поступков. И это все, что мне осталось, кроме горечи и пустоты.

– А если там окажется то же самое? Что ты будешь делать тогда?

Я обернулся к зеркалу и сказал:

– Я тебя понял. Правда, понял... Но сейчас я не могу тебе ответить. Мне просто некогда. Давай поговорим потом... Дай мне еще пару дней.

– Потом будет поздно, – усмехнулся Тот из зеркала, – и дать тебе пару дней я не могу.

Я закурил.

– Когда ты перестанешь курить? – спросил Тот из зеркала и засмеялся.

– Теперь уже никогда, – ответил я, перезаряжая «макар» и освобождая черный вакидзаси из ножен.

– Ладно, – кивнул Тот, надвигая налицо козырек бейсболки, – иногда никогда – это не очень долго.

Я успел заметить, как за паутиной трещин на зеркале вытягивается его лицо, а мои собственные руки там, в помутневшей глубине отражения, стремительно покрываются такой же паутиной трещин. Как в моих собственных глазах играет кумач пламени, охватившего в мгновение ока наш кунг. Как появляется в руках Того красный вакидзаси.

Я смеюсь, а зеркало заднего вида взрывается мелкими осколками и «макар» легко вздрагивает в моей руке, покрываясь каплями дождя. Но дождь кончается. Ярость и определенность не могут существовать одновременно долго. Либо то, либо другое.

Грузовик пересек молчание МКАДа спокойно и легко, как обычная швейная игла могла бы пронзить вакуум космического равнодушия (хотя что делать в космосе обычной швейной игле?), и лишь затем шквал гудящего огня принял его в свои теплые морщинистые ладони. Я успел заметить, как уткнулся окровавленным лицом в баранку руля водитель-японец. Как уходит в сторону горящего здания грузовик... А меня уже нет в кабине. Я качусь по горячему асфальту, стреляя наугад, в темноту и пламя. Рука саднит, но основной удар пришелся на левое плечо, так что все могло быть куда хуже...

Мимо меня белыми пятнами в отсверках катан летят Братья Драконы... Они не касаются земли. А ведь так важно не отстать от них. Я вскакиваю и бегу вперед, выуживая из памяти будущее, как минуту назад извлек из ножен черный вакидзаси.

Первым будет Хэйхати...

Потом Горобэй...

Затем Кюдзо и Кикиутиё...

Останутся трое, и если повезет, я буду четвертым... Но только если повезет и кто-то из нас сумеет дотянуться до Твари раньше, чем она дотянется до нас. Тот, в зеркале, почти не ошибся. И я был рад этому «почти». Я намерен цепляться за него, пока есть силы вдыхать пропитанный гарью воздух Москвы, менять обоймы в «макаре», рубить проступающую человеческими силуэтами темноту коротким лезвием вакидзаси. До тех пор, пока я бегу по рушащейся мне под ноги Москве, а впереди мелькают белые пятна кимоно Братьев Драконов. И если я о чем-то и жалею сейчас, то только об одном...

...Зря я все-таки выбросил плеер. Самое время для нарезанного давным-давно трека «I Feel You»... Так приятно бежать по улице, стреляя наугад, и слушать черно-белую музыку Depeche Mode...

Круг второй

DJ Томаш Кофа set

– Вакоби... Ваку-вакибо...

Пожалуй, все, что интересовало меня той ночью, это суборбитальная речь вертушек dj Шамана да змеящееся тело его спутницы-азиатки, имени которой я не помнил.

А дело в том, что с тех самых времен, когда британские рыцари писали дешевые детективы, спасаясь от голода и нищеты, многое изменилось. Можно сказать, почти все. Я и не пытался думать под истерический визг расстроенной скрипки, забывая мозг опиумными парами и вспоминая количество ступеней на лестнице. Куда как проще и комфортнее было разместиться за крайним столиком в клубе «Дос Пасос», заказать себе двойной эспрессо и лениво покуривать легкий гашиш, слушая dj Шамана. Его спутница-азиатка, имени которой я никак не мог вспомнить, знала, о чем танцует, легко превращая собственное тело в иллюзию. В мою иллюзию. Ее обтянутое серебристой тканью смуглое тело вздрагивало и меняло очертания в такт синкопированному ритму dj Шамана, а глаза, состоящие из одних зрачков, заглядывали в самое сердце.

– Вакоби... Ваку-вакибо... Ваку-ваку-вакотон-тон...

Разумеется, Лебрусу это было не по душе. Ну конечно, о чем разговор?

Он, несомненно, предпочел бы скрипку, кофе не из кофейного аппарата, а из турки и миссис Хадсон для полного комплекта. Желательно в специальном заведении для сексуальных меньшинств. И ему никогда не приходило в голову, что играть на скрипке партию из «Волшебной флейты» Моцарта, глядя, как мимо окна проносится рекламный дирижабль с предложением поучаствовать в охоте на себе подобных, – это пахнет абсурдом, если не безумием...

Нет, есть вещи, недоступные уму мудрецов. Впрочем, я, кажется, не первый, кто об этом говорит. Единственное, что спасало меня от скуки, – это хобби моего напарника. Филолог по образованию, он любил играть в странную игру: доказывать с помощью историко-фонетических цепочек связь совершенно разнородных словообразований. В тот вечер он пытался доказать факт общего исходного корня у имени нарицательного «игемон» и имени собственного Игги Поп. Разумеется, это была просто игра, но порой он приходил к таким выводам, что ему хотелось верить. Особенно глядя на рекламный дирижабль, пролетающий мимо черного, словно в комиксе, города, по-прежнему носящего краснокирпичное имя Москва, и на все остальное тоже.

– Ты так и не открыл папку, – пробормотал Лебрус, воспользовавшись паузой между треками. При этом он, как водится, не отрывал глаз от наладонника, а руку – от стакана с мерзким пойлом, именуемым абсент.

– Я открывал, – ответил я, – по дороге сюда...

– Угу, – сказал Лебрус, – но я хотел бы...

– Эта гадость со временем выжжет твой мозг.

Упомянутая папка – обычная пластиковая, со скоросшивателем внутри, прихватившим двумя непрочными усиками пачку стандартных листов формата А4, – ничем не отличалась от полутора сотен остальных, лежащих сейчас в шкафу нашего с Лебрусом офиса на Смоленке. С двумя оговорками. Во-первых, это дело было не закрыто. Во-вторых, это было дело Томаша Кофы. Второй момент приятно волновал, вклиниваясь в мое настоящее наподобие того, как тело танцовщицы-азиатки ввинчивалось в аккомпанемент dj Шамана. Впервые за всю свою карьеру я был по-настоящему заинтересованным лицом в гонке за каким-то человеком. До сих пор я просто выполнял свою работу, которая отвечала моим врожденным наклонностям,

а потому не могла мне не нравиться. И все же это была рутина, приятная, но привычная. Просто одна необходимость определяла другую необходимость – не более того. Или лучше так – одна необходимость была обусловлена рядом других... Не могу сказать, что не испытывал при исполнении своих непосредственных обязанностей сильных чувств, что оставался холоден и равнодушен. Напротив, работа приносила мне несказанное удовольствие. Связанные с ней моральные аспекты я не принимал близко к сердцу, я отдавал себе отчет в том, что убиваю себе подобных, и не переживал по этому поводу. Это все равно случилось бы. Превентивная система института российской государственности подразумевает существование легального штата убийц. А мою генетическую предрасположенность к уничтожению себе подобных определили еще за несколько месяцев до моего рождения. Другими словами, вариантов у меня не было, а значит, и париться по этому поводу не имело смысла. Точнее будет сказать так: варианты были, но они меня не устраивали. А убивать, не считаясь преступником, мне нравилось. Никаких лишних проблем с законом и его представителями.

Наш фигурант, Томаш Кофа, был так же, как и я, генетически предрасположен к убийству, но он родился на несколько лет раньше, в начале семидесятых, а тогда такую предрасположенность выявлять еще не умели...

Однако все по порядку...

В 1994 году Томаш Кофа умудряется выпустить книгу «Круги на воде». В деле про это сказано лишь вскользь, но для меня это основополагающий момент, краеугольный камень, если хотите. Поскольку я познакомился с Томашем Кофой, попросту купив его книгу (ин-октаво, мягкий переплет, черно-желтая обложка) в зачуханном книжном ларьке рядом с метро «Маяковская». А жаль, книга была достойна большего. Томаш Кофа сравнивал мир с камнем, брошенным в воду. Кто-то достаточно сильный или достаточно отчаявшийся (это важно) придумал историю. Придумал и забыл. А история осталась. Осталась одним моментом, который стал обрастать подробностями, прошлым и будущим, событиями и незначительными мелочами. Прошлое и будущее – это и есть круги на воде от брошенного камня. В тот момент, когда история начала существовать сама по себе, начал существовать и мир. Сначала и правда было слово. И вот находится человек, который, будучи достаточно сильным или достаточно отчаявшимся, придумывает другую историю. И снова бегут круги, и снова появляется прошлое и будущее, но они отличаются от тех, что уже есть. Это и есть бесконечность – тысячи историй, сотни тысяч миров, порождающих иные миры, иные истории. Камни падают в воду, круги расходятся, снова падают камни... Сотни вариантов одной и той же истории. Один и тот же камень не бросить в одну и ту же воду... Над всем этим сидит Бог-наблюдатель, придумавший историю номер один. А главный герой книги как раз и пытается узнать, какова же она была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.